

Николай Виттем

Прачечный комбинат
«Сказка в Железноводске»

Николай Витем

**Прачечный комбинат
«Сказка в Железноводске»**

«Литео»

2017

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Витем Н.

Прачечный комбинат «Сказка в Железноводске» /
Н. Витем — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-903-9

Посёлок Железноводск. Шесть исправительно-трудовых колоний и пятнадцать тысяч населения, напрямую связанного с их деятельностью. Колонии – центр жизни осуждённых, отбывающих наказание; вышедших на волю, добровольно приехавших поближе к супружеской половине, находящейся в зоне. Жизнь – это работа в зоне или на зону, зарплата, еда... ...Послевоенный период – время бурного роста народного хозяйства, развития промышленности. Время инициатив. Начальник главка управления НКВД, курирующий исправительно-трудовые колонии республики, вышел с предложением в наркомат внутренних дел: искусственным путем создать мощные эффективные поселения вдоль Северной железной дороги от Коноши до Воркуты. Предлагается, для прокладки второй нитки железной дороги и наиболее качественного её обслуживания, закрепить на СевЖелДоре специалистов-железнодорожников, отбывших срок заключения, ставших на путь исправления. Для реализации проекта требуется всего лишь политическая воля руководства: издать приказ об освобождении заключенных с переводом их в разряд вольных поселенцев. Зону ликвидировать. В качестве базовой площадки эксперимента предложены колонии Железноводска с плотностью шесть зон на сравнительно небольшое количество жителей...

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-903-9

© Витем Н., 2017

© Литео, 2017

Содержание

Школьные каникулы	6
Заведующая прачечной	25
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Витем

Прачечный комбинат «Сказка в Железноводске»: повести и рассказы

Школьные каникулы Любовь в минус сорок пять

– Куда собрался? Мороз за сорок градусов. Раздевайся, какие коньки в такой холод? В мороз дома сидят. Раздевайся, говорю, к ёйной матери! Нехрен по улице болтаться!

Ни разу за недолгую жизнь батька не назвал Костю по имени, только так, как сейчас – «никак» и с матом. Знать бы почему? Может от большой любви к старшему сыну?

– Хотел покататься! – отвечает Костя спокойно, хотя ему очень хочется ответить в тон батьке – надерзить.

– Снимай коньки к ебене фене! Лишь бы шлындать, лишь бы шлындать! Одно знаешь: пожрать, пос...ть, погулять да в кино смотреть.

«Что верно, то верно, с этим не поспоришь. Правильно родитель подметил. Первое и второе я делаю ежедневно, но с уверенностью берусь утверждать, что делаю это не столь интенсивно, как он, поскольку меньше ем! С третьим и четвёртым категорически не согласен. Гуляю на улице редко – у батьки не погуляешь! В кино хожу в случаях, когда заработаю».

Клянчить у родителей деньги бесполезно.

Несмотря на декларируемое в стране равноправие, наше общество разнородно. Какие бы политические или военные катаклизмы не захлёстывали общество, всегда рядом с бедняками, живут зажиточные люди, не одалживающие рубль до получки.

С пяти лет Костя ходит в кино «благодаря» материально обеспеченным семьям – спасибо им, спасибо, что они есть.

Узнать, где живут зажиточные хозяева, не составляет большого труда, достаточно проявить наблюдательность.

В Вязьме лазил к столовым предприятий, а в Железноводске ходил к обшитым вагонкой баракам, или к ухоженным частным домам где искал кучу помоев.

Если вместе с очистками, шелухой, костями выброшены на помойку бутылки или банки, уверяю вас – здесь живут или начальники, или партийные работники... Жёны руководящих и прочих партийных деятелей считают ниже своего достоинства таскать стеклянную тару в магазин – что для них какие-то копейки?

Эту денежную помойку следует запомнить, к этой помойке желательно наведываться регулярно – к благодатной куче да не зарастёт тропа. Когда-нибудь она приведёт Костю в кино.

В выходной день, изредка после школы, Костя обходит известные кучи отходов. Самый богатый урожай собирает зимой в морозные дни. Зимой стеклотара вмораживается в жидкие отходы, становится недоступна конкурентам.

В зимний период проблем со сбором у Кости нет; идя на дело, он берёт с собой долото. Подручным инструментом откалывает лёд, освобождая тару. Очистив бутылки и банки от грязи, сполоснув в чистой воде, несёт сетку со «стеклом» в ближайший продовольственный магазин. Продавцы расплачиваются за тару продуктами или деньгами: пол-литровая банка стоит пять копеек, литровая – десять, пол-литровая бутылка – десять. Детский билет в кино – опять же десять копеек.

В «урожайную» неделю собирает тары даже больше, чем на детский билет.

Мать отслеживает заработок Кости. Когда тары много, подходит к сыну, считает в уме, сколько в сумме получится. Подсчитав, просит: – Костик, купи пару буханок хлебушка и килограмм сахарного песка.

Выполнив заказ матери, Костя получает сдачу, которой только – только хватает на билет в кино – мать умеет считать.

– Приготовь всё необходимое на завтра, – продолжает дудеть отец. – С утра пойдешь на железную дорогу. Хватить хлеб даром переводить.

«Получается, что в «тяжёлый» мороз гулять нельзя, а работать можно? И дался ему этот хлеб».

– В ста метрах за вокзальной столовой увидишь сложенную из шпал бытовку...

– Знаю! Бывал! И вовсе не бытовка она, а маленький домик с одним окном. К задней стене прислонены железнодорожные сигнальные указатели, шпаловозы, совковые лопаты, клещи для перетаскивания рельсов. На земле стоит «пионерка». За пионеркой в кучу наброшены новые шпалы...

– Молодец, знаешь, что к чему, возьми с полки пирожок!

«Шутник, родитель! Пирожки не тараканы, они в нашем доме не водятся», – даже вида их Костя не представляет. Пирожки заменяет «картоха»: жареная, варёная, лепёшками, в мундире, пюре. Иногда со шкварками – главным деликатесом семьи.

Напоминать батьке, что у него зимние каникулы, смысла нет. Ему что в лоб, что по лбу, всё об стенку горох. О школьных каникулах он помнит лучше сына, каникул ждёт сильнее, чем тот, потому и завел речь о работе в категоричной форме – выстрадал каникулы; наконец-то дождался.

Счастливый!

Спасибо батьке! Это из-за него у Кости не бывает ни осенних, ни весенних, ни зимних, ни летних, ни других каникул, и, вообще, выходных, как у других школьников. Костя вообще не знает никого из сверстников, кто бы в зимние каникулы, посреди учебного года, работал на производстве.

И нет смысла посылать на работу зимой. Длятся каникулы всего ничего. Только оформишься, тут же увольняйся. Много денег за шесть дней заработаешь?

Соседи в их доме считают Ивана Михайловича не совсем нормальным. Только что ему с того? Он на чужое мнение «кладёт с прибором» – это его слова. Всё ему «пофиг веники», кроме него самого «любимого».

Материально обеспеченные родители детей на лето отправляют в пионерлагерь. Дети малоимущих родителей в летние каникулы, да! – иногда подрабатывают.

Девочки и мальчики в летний сезон собирают ягоды и грибы для продажи пассажирам поездов: Котлас – Воркута, Москва – Воркута. Деньги, не ахти какие, но на кино хватает.

Если нужна сумма более существенная, например, на покупку обновки, то ребятишки устраиваются на временную работу в совхоз. На полях всем находится занятие: пропалывать морковь, свёклу, турнепс; подбирать и стоговать сено в сенокосную страду... Поля огромные, работы вдоволь.

Дети выполняют то, от чего рабочие совхоза стараются увильнуть: расценки низкие, а нормы большие. За рабочий день выполнить норму нереально.

Костя не помнит примеров, когда бы детей посылали на «железку».

В Железноводске вряд ли найдёшь другого такого родителя, которому взбрело бы на ум отправить пятиклассника вкалывать, да ещё на железную дорогу, да в жуткий мороз, когда даже суровые хозяева собак из дома не выгоняют во двор.

На путях десятой дистанции пути в Железноводске трудятся исключительно женщины. Возраст их колеблется от тридцати до пятидесяти пяти. Женщины выносливее мужчин.

Быстрее мужчин привыкают к тяжёлой работе, к безысходности; свыкаются с трудностями, считая такую жизнь нормой. Придётся ему с бабами работать.

Прерогатива мужчин – обслуживать подвижной состав. Женщин сцепщиками, смазчиками, кондукторами почему-то не берут.

Зато женщин охотно оформляют стрелочниками на дальние стрелки за пределы посёлка, будочниками при шлагбауме на переездах. Короче, отправляют туда, куда Макар боится телят гонять.

Работа на дальних стрелках и в будках на переездах, вдали от посёлка, опасная. В летнее время из зон бегут эки, нападают на женщин.

В летние каникулы Косте нравится работать на производстве, где он может показать свою взрослость, похвастаться перед профессиональными дядьками, что умеет всё делать руками не хуже, чем они. Утереть нос взрослым не просто приятно, а удовольствие.

Нет у него возражений против летнего труда. В детском возрасте часть работ представляется не столько тяжёлым трудом, сколько развлечением. Благодаря такому отношению он с легкостью научился ухаживать за лошадьми, запрягать их в оглобли, седлать, впрягать в плуг и пахать, стреножить лошадей и ездить верхом. Мог спилить с корня любое дерево в одиночку. Пилил лучковой, ножовкой, двуручной. Топором владел не хуже профессионального плотника.

Летние каникулы длинные, а ночи короткие. Хватает времени вволю потрудиться и немного отдохнуть.

Посещала Костю коварная мыслишка, что на полноценный отдых в зимние каникулы не следует надеяться. Заставит Иван Михайлович выполнять калым. Родитель с тех пор, как Костя научился владеть рубанком, ножовкой и топором, поставил в сарае верстак и нагружал сына изготовлением рам, дверей, столов, стульев...

Вечером, взяв сделанные сыном заготовки, шёл в район частных домов. Полчаса трагил на установку рамы и два часа на постель с любовницей.

Придя с калыма, жаловался жене:

– Что-то устал сегодня. Лягу пораньше спать.

– Отдохни, Ваня, отдохни! – заботилась мать, шикая на детей, запрещая шуметь: – Тихо, не шумите. Папка спит!

Мать единственная, кто не в курсе постельных трудов батьки. А дети не говорят! К чему напрашиваться на ремень?

Работая после занятий в школе на домашнем верстаке, когда отец трудится на производстве в своей мастерской, и не в силах контролировать сына, Костя урывал время на отдых. Но вообще батька устанавливает такой план, что фига с два долго посакуешь.

Особенно сильно стал нагружать с прошлого года после смерти Сталина. Перестал бояться доноса соседей. Узнав о смерти Сталина, напился и весь вечер, пока не заснул, орал:

– Наконец-то сдох усатый!

И батьке ничего не было, не только не посадили, но даже в «органы» не вызвали....

С официальным оформлением на железную дорогу в десятую дистанцию пути очередные Костины школьные каникулы полностью накрылись медным тазом.

Обидно! Друзья будут наслаждаться отдыхом, после каникул станут хвастаться, как они развлекались, а Косте чем хвастаться? Тем, что в каникулы съеденный хлеб отрабатывал?

Сколько же Костя съел хлеба за неполные двенадцать лет? Никогда не занимался подсчётом, сейчас решил попробовать.

Итак: два года оккупации под немцами следует выкинуть – хлеба не было. Хлеб заменял картофель.

После освобождения Вязьмы два года семья жила на подножном корме: крапиве, лебеде, щавеле; картофельных очистках, требухе животных; костях, выкинутых на помойку из воинской части, дислоцированной недалеко от их дома.

Начиная с дня Победы в сорок пятом году и далее три года предприятие железной дороги, на котором работал отец, продуктовую пайку заменяло денатуратом. На месяц семье из восьми человек доставалось восемь бутылок алкогольного суррогата. Денатурат, понятное дело, за хлеб как-то считать не принято. Тем более, что отец по вечерам наливал Косте всего по двадцать пять грамм. За неделю набегало всего сто семьдесят пять грамм – на серьёзную пьянку не тянуло.

Страна чуть отошла от ужасов войны – в магазинах Вязьмы стал появляться в скромных количествах хлеб, не отправленный в Москву.

Четыре года горожане покупали хлеб по одной схеме: отстояв двое – трое суток в очереди, сменяя друг друга через определённое время.

Для того, чтобы приобрести три вожделенные буханки, в очереди стоят семейные «дармеды»: мать – домохозяйка и дети, Варя и Костя.

Костя ненавидел ночные часы. Когда стоишь в очереди, фактор времени теряется, перестаёшь соображать, где находишься. Хочется прислониться к широкой спине человека, стоящего впереди, и... спать, спать, спать! Или хотя бы просто лечь на землю, и будь всё проклято, как «та Колыма и свист пароходов угрюмых»...

Доставляли хлеб в привокзальный продуктовый магазин в маленьком деревянном ящике на лошадиной тяге. Ящик и возница дурманяще пахли хлебом, в отличие от металлических фургонов, на машинном ходу, с надписью «ХЛЕБ», которые не зная устали ежедневно мотались по Вязьме – НКВД чистило Вязьму от всяких разных элементов.

Не зря народ после освобождения прозвал город Вязьму – Вязьмалагом. В городе несколько зон и сортировочных пунктов, чекистам хватает работы.

Деревянный ящик вмещает восемь поддонов. В каждый поддон уложено шестнадцать буханок чёрного хлеба.

В длинной измученной толпе стоят, как минимум, сотни две женщин и детей. Поскольку хлеба привозят мало, всем не хватит, продажу ограничивали одной буханкой в одни руки.

Закончилась выгрузка хлеба, стоящие сзади мощно напирают, образуя монолитную массу человеческих тел, создавая преграду перед посторонними со стороны, которые не стоят в очереди.

Человека сдавливают так, что трудно вздохнуть, пошевелить руками, принять другое положение.

Бывает нередко, что ушедшие на короткое время женщины не могут вернуться в очередь. Плачут, умоляют, но... Задние напирают так, что в очередь не втиснешься.

Порядочные люди чаще остаются в проигрыше, чего не скажешь о наглых подонках.

Перед входом в магазин над крыльцом сооружён низкий навес. На навесе плашмя устраиваются мужики. Когда начинают продавать хлеб, они спускаются вниз на плечи или головы людей, стоящих в очереди. Упираясь ногами в лица, продвигаются вперёд, зажав в кулаке деньги. Добравшись до прилавка, суют деньги продавцу, получают хлеб и тем же путём возвращаются на крышу. Обидно, неприятно получать в лицо сапогом. А что поделаешь? У всех в очереди руки прижаты к туловищу, не отпихнёшь, не сбросишь тварь, приходится терпеть.

Получив в лицо подошвой сапога, Костя зло скрипит зубами. Выматериться бы, да язык не поворачивается!

На семью Тепловых с избытком хватает одного матерщинника – батьки.

Если разделить на десятерых человек – мать родила вторую двойню – три буханки чёрного хлеба, получается триста грамм в неделю на человека, килограмм двести в месяц, четырнадцать килограмм четыреста грамм в год. От этого времени и следует вести отсчет. Можно набросить еще шесть килограмм на благополучные годы в Железноводске, куда они переехали из Вязьмы.

Считаем: четыре года по четырнадцать четыреста, два года по двадцать. Должен Костя сумму за девяносто семь килограмм шестьсот грамм хлеба. Округляем до ста. В грубом приближении получается: сто на двадцать копеек, то есть двадцать рублей. Ладно, Костя человек не жадный. Так уж и быть, увеличит сумму в два раза. Все равно получается мало. Что такое сорок рублей? Одних оконных рам и дверей Костя изготовил более тридцати штук. А табуретки, столы, стулья, нарезка стекла по размеру? За филенчатую дверь отец кладет себе в карман тридцать рублей, за оконную раму – пятнадцать. И все равно Костя остаётся должником за съеденный хлеб? Во, батяка даёт!

За годы, что он вкалывает, на калымные деньги набежали ещё и проценты. Как ни крути, получается – батяка Косте должен...

Костя не принимает во внимание такие пустяки, как ежегодная копка огорода, сбор картофеля, продажа однопалых ватных рукавиц на рынке, продажа лесной земляники на перроне вокзала пассажирам мимопроходящих пассажирских поездов.

Плохо быть старшим сыном! Старшему достаётся на всю катушку.

А куда отнести, к какой денежной категории, стыд, неизбежный спутник ненавистной торговли... Увидев друзей, или знакомых, не знаешь, куда глаза спрятать, чтобы не видеть кривых ухмылок. Единственный способ – отвернуться, сделать вид, что "никого не вижу, никого не слышу; никому ничего не скажу". «Эх, как меня понесло в мыслях – скакунах».

Сколько себя Костя помнит, столько так и живёт. Какую-нибудь работу, да придумает родитель. То в лес тащит дрова заготавливать, то рамы в сарае заставляет делать, то с ним в командировки по полустанкам мотаешься...

Хоть бы разочек дал возможность провести полноценные каникулы, играя с соседскими ребятами на улице. Вот уж незадача: судьба злодейка, жизнь индейка! Или копейка? Всё-таки, подходит – копейка.

Отец сыновьям и дочерям, не говоря уже о матери, постоянно напоминает кто в доме хозяин. Он и ещё раз он в доме хозяин: кормит, поит, одевает, обувает. Наказывает и милует – стоит добавить.

Дуракам известно, что хозяин – по совместительству выполняет обязанности барина. Попробуй барина послушаться. Не послушаешься, за барином не заржавеет – всыплет арапника, который ему во время войны подарил немец в обмен на яйца. Не подумайте плохого – куриные.

Отец Ивана Михаил жил в деревне. Считался очень зажиточным крестьянином. Дом – полная чаша. На подворье стояли сеялки и веялки. На лугу паслись стада коров, овец, лошадей... Дом и большая часть животины отходили по наследству Ивану, как старшему сыну.

На беду Ивана его отца Михаила в лихое и смутное время раскулачили. Отобрали лошадей, коров, овец, бричку, сеялку и веялку, и прочий инвентарь. Забрали валенки. Сослали в Сибирь, где дед Кости и пропал без вести. Вместо богатства Иван получил шиш с маком и мак с таким. Как отцу не злиться на весь мир? Злость, срывает на детях. Бьёт жестоко, с каким – то сладострастным садизмом, не жалея сил. Бывает, не только арапником, но и подручными средствами.

Мать держит сторону отца. Не было случая, чтобы она за детей заступилась, остановила экзекуцию.

Костя слушает наставление батьки внимательно, опустив голову от отчаяния и обиды, скрывая возмущенные слезы.

– Без пятнадцати восемь в бытовку приходит бригадир. Даёт бригаде задание на очередную смену. Не опаздывай, в восемь он уйдёт на объекты; после восьми его не поймаешь! Зайдешь в бытовку, обратишься к Камбале... Тыфу, ты, мать его, забылся! Увидишь одноглазого мужика с черной повязкой и черной шевелюрой, подойдешь к нему и скажешь, что ты от Ивана Михайловича. Зовут мужика Николаем Анисовичем. Повезло мужику – двадцать баб в бригаде, выбирай любую! – Батька пустил слюну от зависти.

– Чёрного кобеля не отмоешь добела, – откликается мать на последние слова отца.

Иван делает вид, что не расслышал насчёт чёрного кобеля.

– Камбала – ударение на последнее «а» – отметит в журнале твой выход на работу, даст инструмент, проинструктирует...

– Сынок, на улице сильный мороз, – озаботилась мать. – Возьми, вот, старенькую душегрейку, батька её не носит. Чуток прохудилась, но ничего, месячишко выдержит. Наденешь завтра под телогрейку, всё теплее будет.

– Что? Мам, ты, чего, какой «месячишко»? У меня каникулы всего неделя. Я что, месяц школу буду пропускать?

– Не знаю. Вон, папку спроси, – ловко увильнула мать. – Как он скажет...

«Хорошо, что батьке не дано читать чужие мысли! Папку спросишь! Обложит матом»... Костя учёный, ремнём поротый, знает.

Вслух же сказал другое:

– Ты заранее сговоришься с папкой, а меня за прогулы в который раз вызовут к директору. Опять мужик, с усами под Сталина, будет ругать, думаешь приятно слушать?

– Э, сынок, брань на ворота не виснет. Пусть ругает, со временем брань отпадёт и забудется. Не обращай внимания! Ты ж у меня такой умный, учишься самостоятельно, по домашним заданиям моей помощи не просишь, как твои сестры. Отметки получаешь хорошие, что они с тобой сделают, не съедят же, а семье деньги нужны. Неужели не поможешь?

– Не обращай внимания на брань! Тебе хорошо говорить: «Не обращай»! Исключат из школы, а я учиться хочу.

– Я ему исключу. Схожу к директору и так исключу, что до окончания школы забудет про тебя, – встрял в разговор Иван Михайлович.

«Что верно, то верно! У батьки не заржавеет. Его язык острее бритвы. Он из принципа может пойти к директору и нахамить так, что тот долго будет вскакивать по ночам от страшных сновидений. Были, были случаи. И видел, и слышал, краснея от стыда».

– Галины ватные штаны оденешь. Галя из них выросла, а тебе они будут впору. – Мать продолжает «подготавливать» Костю к завтрашнему дню.

– Мам, ватные штаны Галей пахнут; люди смеяться надо мной станут...

Мать, отмахнувшись от слов Кости, как от пустого, продолжает талдычить своё:

– А будут великоваты – подвернем. Рукавички ватные однопалые специально для зимы тебе сшила.

«Заботливая, ты моя! Сама не носишь однопалые рукавицы, стесняешься. А сыну всё можно всучивать, Костя стерпит.

Скорее бы вырасти и слинять куда-нибудь»!

– Шапку ватную с тесемками наденешь, подвяжешь под шеей. Валенки папка вчера подшил, так что снег не будет внутрь попадать. Возьмёшь портяночки байковые, покруче намотаешь... Не замёрзнешь! – И повторила нараспев: – Не за-ме-рз-не-шь!

«За ночь дедушка Мороз обнаглел окончательно. Дыхнул ранним утром в наши маленькие окна аж до сорока пяти. При минус сорока пяти стёкла окон заледееневают полностью, не оставляя просвета. Стёкла лучше термометра показывают температуру.

Обеспокоившись хулиганством дедушки, по местному радио в семь утра объявили активированный день»".

– В одной ватной шапчонке голове будет холодно, повяжу – ка я тебе платок, – объясняет мать свои действия, пока собирает рабсына (рабочего сына) в путь на железную дорогу.

Шерстяной платок с большими, проеденными молю, дырами мать повязывает таким образом, чтобы концы его накрест проходили под мышками. Хвосты платка тугим узлом завязывает на спине, приговаривая:

– Будут щеки мерзнуть, три рукавичкой. Ни в коем случае не снегом – пропадёшь. Платок защитит горло и верхнюю часть груди. Платок не развязывай, терпи. – Надев поверх платка ушанку, высоко задрав Косте голову, под подбородком завязывает тесёмки «ушей» бантиком. – А это тебе на обед, – почему-то шепчет, засовывая в карман телогрейки кусок черного хлеба, завернутый в газету. Легонько толкнула в плечо: – Иди!

Лёгким напутственным толчком показала свою материнскую любовь.

– Мам, нельзя хлеб сахарным песком посыпать? – решил спросить Костя, коли она такая добрая.

Увы, слово «на» – мать хорошо слышит, а при слове «дай» – на неё нападают немота и глухота.

Офицерская казарма внутренних войск ликвидированной Южной центральной исправительной колонии, в которую, после переезда из Вязьмы, поселили семью Тепловых, расположена в ста метрах от железной дороги.

От дома до железнодорожной станции есть два пути. Кружным – по Рабочей улице, через переезд, по Дзержинской и Вокзальной. Обходишь здание вокзала и по станционному перрону идёшь к бытовке.

Есть более короткий путь.

Переходишь Рабочую улицу, сворачиваешь на тропинку, ведущую к железнодорожному пути, который ограничен боковыми траншеями и откосами... По железнодорожному пути шпаришь напрямик к станции... Костя выбирает короткий опасный, но привычный путь к станции. Идти по шпалам не получается. Шпалы, рельсы и траншеи занесены снегом, образуют широкую ровную снежную полосу, уходящую в сторону вокзала.

Неделю посёлок выдерживал атаку ветра, снега и злого мороза. Окрестности занесло. Ветер, не сдюжив противостоять морозу, покорился. Посёлок накрыли тишина и туман, спутники сильного мороза, превышающего сорок градусов по Цельсию.

Тишина обманчива, слышится потрескивание – лопаются стволы деревьев, растущих в огородах. Огороды разбиты и огорожены колючей проволокой по правую руку вдоль путей. Угадываются по близким столбикам, вершины же деревьев в тумане не просматриваются.

Возможно, и не деревья трещат, а лопается металл рельсов, не выдержавших мороза, сразу не поймёшь.

В большой мороз ветра на Севере не бывает. Без полноценного вдоха дышится тяжело – мороз забивает дыхание. Лёгким не хватает кислорода.

Но, нет худа без добра. При отсутствии ветра не поддувает под низ телогрейки. Что уже хорошо. Не надо прижимать к телу полы одежды, удерживая домашнее тепло руками.

Когда прижимаешь края телогрейки руками, со стороны смотрится, будто держишься за причинное место. Сегодня это место оставлено в покое. При ходьбе в глубоком рассыпчатом снеге свободными руками лучше балансировать, чтоб удержать равновесие.

Ноги в больших валенках, с двумя портянками, он протаскивал с трудом, раздвигая корку спрессованной снежной массы. Чтобы не оставить валенки на дороге и не упасть, придерживал их мысками пальцев ног.

О чём думаешь, то и происходит. По закону подлости Костя наступил на головку рельса. Подошва валенка скользнула, ноги раскорячились. Устойчивость вмиг потеряна. В

таком случае батька любит говорить: «Накаркал». Костя накаркал про себя, мысленно, получается: намыслекаркал?

Со всего маху плюхнулся в снег пузом и мордой. Услышав гудок паровоза, перепугался так, что не стал делать попыток подняться на ноги. Нашупал руками головку рельса, подтянулся и перекатился на обочину пути. Оказавшись в относительной безопасности, стал подниматься. Лишь с третьей попытки, проделав в снегу глубокую ямку, нашупал твердь земли, встал вначале на колени, затем в полный рост. Попытки, как у лягушки в молоке, увенчались успехом. Прислушался: гудок, так его напугавший, не повторился.

«Всё-таки я молодец, – хвалит себя Костя, – среагировал моментально, выбрался из опасной зоны. Не стал подниматься между рельсов, от страха бы сильнее закопался».

Пока ковыряешься в снегу, налетит поезд и, прощай школа, прощай мечта о дальнейшем образовании. Короче: «Прощай, дружище, и не кашляй»!

Дурных попутчиков, изъявивших желание идти на работу вдоль путей, не нашлось, Косте приходится торить тропу в одиночку.

Одинокому путнику на любом отрезке пути трудно идти.

Мороз, как искусный фехтовальщик, делает резкие выпады в открытое лицо, наносит болезненные уколы в щеки и нос, заставляя тереть места уколов ватной рукавицей. Допекают спутники мороза – сопли. Спасает рукав телогрейки. Материал телогрейки мягкий и вполне заменяет носовой платок. С одной поправкой. Костя никогда не имел носового платка и ни вида, ни формы его не представляет. Но думал, что будь у него носовой платок, он бы не выставлял на божий свет следы замерзших соплей, как сейчас на рукаве телогрейки. Замёрзнув, мазки соплей становятся жесткими, царапают нос.

В морозном тумане, который удерживает мельчайшие частицы взвешенного снега, видимость не превышает пятидесяти метров. Костя бредёт в тумане, чувствуя себя позабытым, никому не нужным, выброшенным на улицу. На ум приходят слова песни из кинофильма про беспризорников: «Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет. Я остался сиротой, счастья – доли мне нет».

Ах, как жалко себя, мальчика! Всхлипнул, но взял чувства в пролетарские руки, успокоился. Рабочий железной дороги должен обладать сильным духом, железной волей.

Костя не имеет права на слёзы!

Хотя, если подумать – Косте до возраста Павки Корчагина ещё очень далеко. Сопли уже идут, пустит слезу, тоже никто не увидит. А раз не видят, то ничего и не было! Можно всплакнуть.

Вытер глаза.

В плотном тумане легко попасть под поезд. Единственный способ уберечься, сохранить жизнь – чутко слушать туман. В тумане, идущие паровозы свистят надрывно, предупреждая о том, где находятся. Благодаря морозу звук искажается, направление звука определить трудно: то доносится издалека, то почти рядом; то спереди, а то, вроде, сзади. Всматривался внимательно вперёд; поминутно оглядывался назад. Голова крутится на триста шестьдесят градусов, как у лётчика истребителя – надо будет у матери попросить шёлковый шарф, иначе шею натрёт! А она у Кости детская, нежная.

До станции идти осталось немного – однокольея разветвляется на два главных, и множество вспомогательных и запасных путей. На станционных путях у стоящих паровозов горят нижние фонари ближнего света, их с трудом угадываешь в тумане.

Световые пятна не двигаются, не вызывают чувства опасения.

Пройдя ещё пару десятков метров, увидел размытые тени переходящих через пути, спешащих на утреннюю смену людей. Трудовой люд идёт от частных домов отделения первой исправительной колонии.

На душе полегчало: на «миру» люди не дадут пропасть.

Непомерно толстые из-за одежды рабочие передвигаются неуклюже, переваливаясь, как объевшиеся рыбой пингвины. Боясь замерзнуть, граждане, как и Костя, напялили на себя всё что можно, лишь бы защититься от холода и добраться живыми до рабочего места.

Это пар костей не ломит, а мороз ломает не только прочный металл, но и кости людей.

Один из пешеходов, как совсем недавно Костя, наступил на рельс, нога подломилась, и человек мешком свалился в снег. Барахтается в глубоком снегу, не может подняться. Не поймёшь, женщина это или мужчина. Пол человека в критической ситуации неважен, главное быстрее помочь. Железная дорога не место, где можно в мороз прохлаждаться между рельсами. Двое шедших сзади, срываются на быстрый шаг и с двух сторон помогают большему «мешку» одежды подняться, встать на ноги.

Дружелюбно отряхнули. Дальше двинулись втроём; человек, идущий посередине, сильно хромает.

В активированный день основное население Железноводска предпочитает сидеть дома. Пробиваются сквозь непогоду трудяги, у кого никогда не бывает активированных дней, праздников, выходных. Идут те, кому доплачивают к зарплате: праздничные, ночные, морозные. Идут специалисты, чьё присутствие на рабочем месте обеспечивает активную жизнь железной дороги и посёлка: железнодорожники, станционные служащие, водопроводчики, сантехники, электрики... Вокзал не закроешь, железнодорожные пути не перекроешь, водоканчку и теплоэлектростанцию не остановишь. Пробиваясь через снежные заносы и мороз, на станцию по расписанию прибывают составы – их кто-то должен обслуживать...

При подходе к станции надрывно орёт паровоз, тянущий с севера в вихре снежной пыли груженный состав, требуя от всего живого убраться в сторону.

Остановись, прохожий, пропусти товарный и спокойно шлёпай дальше. Так нет же: неуклюже помчались «мешки» через пути; быстрее, быстрее проскочить путь перед эшелоном. Что за народ в Союзе? А если не успеешь перебежать и зарежет? Оставишь семью сиротой.

Куда спешить? Сталина не стало, в прошлом году умер, за опоздание на работу уже не судят!

Вот что значит сила многолетней привычки. Это она, неугомонная, заставляет спешить людей на работу.

Каждый год железная дорога собирает кровавую жатву. Сколько за год попадает под колёса вагонов? – много. Ничему жизнь не учит. Куда ты несёшься – «олень» или волки за тобой гонятся?

Орёт паровоз, застуженным свистом надывается. Перед самым его передком с угловой решёткой проскочили последние смельчаки и поплелись дальше счастливые. Сэкономили минуту.

В облаке поднятого с полотна снега, полностью скрывшего промёрзлые вагоны, вползает на станцию товарняк. Морозный ветер с силой бьёт в лицо – так, что голову произвольно откидывает назад.

Закрыв лицо рукавицами, отвернувшись от состава, Костя ждёт, пока вагоны пройдут и освободят путь. Ничего что минуту потеряет, зато спасёт кое-что под названием жизнь. Костя доволен, что не поддался психозу толпы и не побежал за компанию.

Поезд, скрежеща тормозами, взвизгивая колёсными парами, резко сбавляет скорость, вагоны всё медленнее движутся.

Конца состава не видно.

Поезд остановился. Хочешь, не хочешь, а приходится возвращаться назад, в конец состава, чтобы обогнуть последний вагон.

Добрался до перрона станции. На перроне снег счищен, идти легко.

К бытовке подошёл без пятнадцати восемь. Заглянул в помещение. Маленькая комната под завязку набита рабочими железнодорожной бригады, выслушивающими инструктаж перед началом очередной тяжелой смены. Под потолком вокруг единственной голой электрической лампочки, висящей на проводе, плавает дым. Бабы на скамейках в телогрейках и стёганных ватных «зэковских» спецштанах, усиленно курят самокрутки.

За столом в шапке, без верхней одежды, с сердитым видом мужик с чёрной повязкой на глазу кому-то выговаривает. Мужик вполне подходит под образ пирата или просто разбойника. Встретишь такого ночью, на всю жизнь сделаешься зайкой.

Похоже, он тот самый бригадир, к которому Косте следует обратиться. Тот, которого отец назвал Камбалой.

Николай воевал. Один глаз потерял на фронте. Женщины бригады вначале за глаза в шутку так его называли. Когда много раз повторяешь одно и то же слово, к нему привыкаешь, оно становится родным, близким. Женщины сами привыкли к этому прозвищу и постепенно приучили других. Даже начальство теперь зовёт его не иначе, как Камбала.

Ближняя к выходу женщина, не вынимая козью ножку изо рта, обернулась к двери и передала слова Николая: «Просит подождать на улице». Фраза слилась в бормотание, но в целом понятна.

Захлопнул дверь.

Возле дверей бытовки собралась небольшая толпа из шести человек: Мужчина лет восемнадцати, женщина лет двадцати трёх, три девушки в возрасте примерно семнадцати – восемнадцати и Костя неполных двенадцати лет; самый молодой и очень хилый. На морозе ждут окончания инструктажа. Ждут, пока освободится Камбала, сухопутная рыба масть станции Железноводска.

Стоящая рядом девушка, по глаза закутанная платком, повернулась к Косте и задала глупый вопрос:

– Ребёнок, ты, тоже на работу устраиваешься? – Костя обидчиво отвернулся. – Подожди, дай снег с тебя отряхну. Ты что, падал? Не дуйся. Я Наташа, а ты? – спрашивает она, отряхивая в него снег.

– Костя. Костя Теплов.

– Васильева! Какой идиот послал тебя на работу в такой мороз?

Костя знает, какой. Даже, при желании, может назвать по имени, только Наташке ни за что не скажет. Вдруг проболтается, всё-таки, женщина...

– Была б моя воля, я бы этому человеку, трам-тара-рам его в рот, сказала пару ласковых. Надо же, додумался ребёнка посылать! Долго видно думал! Можешь не отвечать. Смысла нет, – советует Наташа и добавляет: – Жуть, как холодно, сплошной «дубак». Ноги стынут.

Мужик, услышав, что ноги стынут, через закрытый шарфом рот, просипел:

– «Ноги стынут, руки зябнут – не пора ли нам дерябнуть?»

Женщина поддержала разговор:

– Кто там желает дерябнуть?

– Это я, Юрка, – отозвался мужик, переминаясь с ноги на ногу. – Я хочу дерябнуть, можешь составить компанию; подгребай ближе.

Народу на морозе неуютно, народу жутко холодно. Топтание на месте не помогает, пытаются болтливым языком согреться. Все втянулись в пустой разговор. Бросают реплики. Тема задана и её развивают: что дерябнуть, сколько, где.

Костя молчит. Косте обсуждать выпивку по возрасту вроде как рано, хотя батька ему наливает с детских Вяземских лет. Думает лишь об одном – неужели нельзя пустить их в помещение, в тепло?

Мороз старается во всю мощь, продолжает наяривать, проверяя на прочность. Рукавицы не помогают. Стынут кончики пальцев. Мороз пробирается под телогрейку, делает,

пока еще робкие, но злые попытки залезть шаловливыми ручонками в ширинку Галиных, пошитых под мужика, ватных штанов; студит ноги в валенках, ставших на морозе дубовыми. Холод, подобно воде, ищет дырочку к начинающему дрожать мелкой дрожью, телу.

Чтобы согреться, Костя усиленно размахивает руками, хлопает себя по телогрейке и штанам, топает ногами. Пытается набить харю стуже, лезущей в неположенные места, подбирающейся к самому дорогому у человека отростку, который позволяет мужикам писать стоя.

Примеру Кости следуют и другие «братья и сестры» по несчастью: прыгают, топают, хлопают, пляшут... Посиневшие губки дрожат у всех мелкой дрожью.

Наконец дождались! Женская бригада освобождает помещение. Ну и лица у тёток: морщинистые, серые, одутловатые, равнодушные; ничего хорошего от жизни, не ждущие. Вряд ли у таких баб есть мужья, дети. Хотя, может и есть. А если есть, то они мало чем отличаются от баб, замученных построением коммунизма на Севере – под дулом автоматов за колючей проволокой.

Мужчины и женщины отсидели сроки.

Бригада женщин разбирает инструмент, приготовленный с вечера, и растворяется в тумане.

Приоткрылась дверь домика, бригадир высунул голову:

– Кто на уборку шлака и снега заходите, впишу в журнал.

Компания ломанулась внутрь.

Фамилию Кости Николай нашел сразу, поставил галочку; старание батьки не пропало даром. Почему-то сделалось обидно. Хотя, что особенного, если неполные двенадцать лет превратились в обычную закорючку под названием «галочка», даже не с большой буквы. Обидно и досадно, да ладно. Одной обидой больше, одной меньше – какие у Кости годы? Фамилии остальных Николай заносит в журнал, не спрашивая паспортные данные.

Камбала напутствует временных рабочих:

– Разбейтесь по парам. За дверью возьмите носилки, совковые лопаты... К стене прислонены, увидите. Начинайте с уборки шлака. За ночь шлака накопилось много. Снесите шлак за пределы станционных путей. Когда уберёте за паровозами, приступайте к снегу. Очищайте стрелки, стрелочные переводы, остряки, крестовины... За пределами путей делайте откос с одновременной планировкой. Старшим назначаю... О, Ольга, приветствую! В куче тряпья не признал. Старшей бригады назначаю Ольгу. Ольга в курсе, что надо делать! Ольга, отчитаешься за выполненную работу в конце смены. Следить за вами времени нет, зашиваюсь. Надеюсь, Ольга, на тебя. Плохо работу сделаете – не оплачу.

Идите! За дверь не выгоняю, но долго находиться в помещении не рекомендую. Придётся заново привыкать к морозу, обморозитесь.

Наташа в одной руке тащит две лопаты, в другой – ручку носилок. Подтащила к Косте:

– Держи лопату; бери носилки за другую ручку. Пошли напарник. Оцени заботу, видишь, как девушка за тобой ухаживает! Подрастёшь, возьмёшь замуж. Представь, не шучу, расти быстрей...

– Ты старая! – запоздало ответил Костя на странное предложение жениться.

– Что? Я старая? Да как ты посмел такое сказать? – возмутилась Наташа, повернувшись к Косте лицом, замотанным шерстяным платком: – Сейчас лопатой огрею! Бабы старые – бывают! А девушек старых не бывает, не ври. Так, что никуда ты от меня напарник не денешься; женишься как миленький!

Станционные пути забиты товарными составами.

Тёмную громаду паровоза удаётся полностью разглядеть метров с десяти, ощутить всю мощь пышущей жаром махины. На путях, вблизи пешеходного моста, паровозы опорожняются от шлака.

Ступеньки моста занесены снегом; снег не просто примёрз к железу, а буквально спаялся с ним. Желаящих сыграть в «чёт – нечет» с морозом на железнодорожном переходе нет. В зимнюю шальную погоду, частую для северных районов, не составит труда свернуть на мосту шею. Самоубийц нет.

Добираться, перешагивая через пути, в центр посёлка, где расположены магазины, населению приречных, призонных улиц привычно. Это единственный короткий путь, пусть и ненадёжный. При переходе через железнодорожные пути, люди прислушиваются к гудкам. Читают их и принимают решение: передвигаться дальше или встать, притворившись столбом, переждать проход состава.

Не только взрослые, но и дети накрепко заучили: если машинист даёт одиночный громкий длинный протяжный гудок, жди движения паровоза вперёд. Два резких гудка – машинист сдаёт машину назад. Три коротких – остановка.

Главные, первый и второй пути, забиты шлаком. Под почерневшими слипшимися ноздреватыми кусками остывающего шлака, местами проступают красные раскалённые не до конца сгоревшие угольки. От продолжающих гореть кусков вьётся синий дымок.

На выгрузке шлака стоят два ИСа. Не только Костя, но и Наташа обратили внимание на изменение передней части паровозов марки Иосиф Сталин. На могучей груди паровозов нет портрета вождя.

Не стало портрета, и паровозы как бы потеряли в облике и ранге. ИСы смотрятся, как офицеры, разжалованные в рядовые.

При жизни Сталина ни один паровоз не выходил на линию без его портрета. Не стало Сталина, не стало и портретов. Угасла слава великого человека, измочалившего страну.

В этом отношении показательна реакция жителей Железноводска. В день смерти Сталина лишь на здании райкома вывесили флаг с черными лентами да на его гипсовом бюсте перед Домом Культуры прикрепили чёрную ленту. И всё! Впечатление такое, что жители посёлка не придали значения этой смерти. Как сказал батька: – Помер Максим, ну и ху – ху с ним!

Костя с Наташей подошли ближе к одному из паровозов, решив полюбоваться выгрузкой. Зрелище интересное.

Длинной кочергой помощник машинист выкидывает из топки ярко-красный шлак. Шлак падает на снег. Снег плавится, пузырится, испаряясь. Вода, не успевшая испариться, превращается в лёд на границе остывающей кучи.

В середине кучи шлак светится оттенками от светло красного до темно красного, постепенно становясь чёрным. По раскалённой поверхности между кусками шлака бегают, перемигиваясь, шаловливые цветные огоньки.

Помощник машиниста в одной спецовке ловко орудует кочергой – огнедышащий шлак обжигает ему лицо. Очистив топку, не медля ни секунды, помощник шустро заскакивает в кабину – мороз в спину подталкивает. Сделав два предупредительных свистка, паровоз сдаёт назад, освобождая рабочим подход к шлаку.

Три свистка – паровоз остановился напротив водонапорной колонки. Помощник спускается на землю, за верёвку, как упрямого бычка, поворачивает хобот колонки. Машинист направляет хобот на заливную горловину котла паровоза, помощник открывает воду...

Наташа дёргает напарника за рукав:

– Засмотрелся? Интересно, да? Пошли, пошли. После работы посмотришь!

Подходим с носилками к дымящейся куче. Резкий запах не полностью прогоревшего угля бьёт в ноздри, заставляя отворачивать голову в сторону, задерживать дыхание. Угарный газ, попав в лёгкие, закупоривает их, делает невозможным полноценный вдох – тянет прокашляться.

Кружится голова, щиплет глаза; выступают слёзы. Возле горячего шлака не просто жарко, печёт. Кожу на лице обжигает, стягивает до боли.

Наполнив носилки, горячий груз несут за пределы путей. Носить неудобно. Приходится переходить через двенадцать путей, занесенных снегом. Идти нормальным ровным шагом не получается, выступающие головки рельсов сбивают шаг. Перешли на гусиный.

Вторым номерам тяжелее. Второму номеру приходится идти с грузом предельно осторожно, внимательно глядя под ноги, чтобы вовремя увидеть и перешагнуть через препятствие, иначе споткнёшься и грохнешься с носилками. Упадёшь лицом в шлак, сваришь лицо.

Не хотелось бы!

Взобрались на вершину отходов старого шлака. Разгрузились.

Едва они остались без защитного источника тепла, как на их лица с удвоенной силой набросился обжигающий мороз. Мороз с лихвой искупает потерянное на борьбу с теплом время.

Возвращаясь за новой порцией груза, работники держат пустыеносилки одной рукой. Свободной прикрывают лицо, оставляя щёлки для глаз.

– Меняем руки, – командует Наташа, взявшая на себя роль наставника. Поменяли, тотчас сбились с шага. Костя подпрыгнул на ходу, меняя ногу, подлаживаясь под шаг Наташи.

Возвращаются. Теперь в невыгодных условиях находится впереди идущий – первым принимает удар мороза на себя, прикрывает второй номер. Второй номер идёт защищённый.

Партнёры меняются местами.

Наташа, работая первым номером, нагибается. Во всей красе обрисовывается соблазнительный пышный зад, увеличенный толстыми ватными брюками.

Девушка заинтересованность заметила. Нагибаясь, бросает на Костю лукавый взгляд, заставляя его смутиться и опустить глаза.

Смущение с лица нахально сползает вниз, под ватные Галины брюки, где робко начинает шевелиться отросток. Дальше обозначенных попыток дело не движется. Холодно.

Наташе понравилось смущение напарника. Шутку повторяет. Как бы невзначай, нагибается ещё ниже и на самую малость задерживается в позиции «зю». Дольше мороз в подобные шутки не позволяет играть.

– Писать хочешь? А я хочу, – не дождавшись ответа, откровенничает Наташа. От её откровения Косте почему-то становится стыдно. Хотя чего стыдного? Скорее всего, стыдно от произнесённого вслух слова. В семье Тепловых не принято сообщать о туалете. В туалет ходят, никому не рассказывая о своём желании. Выскочил на улицу, пробежал пятьдесят метров. Заскочил в будку, поднятую над землёй на три метра, сделал «дрись» и бегом домой.

В туалет Косте хочется, но, воздерживается – мужик он или не мужик?

– Всё, к чёрту, не могу больше! – Бросила носилки. – Я пошла, – злится Наташа, будто Костя виноват в том, что заставил её терпеть.

Сильнее и сильнее, до боли, мерзнут кончики пальцев рук. Иногда, когда совсем становится невозможно терпеть, не сговариваясь, вынимают руки из рукавиц и греют их над горячим шлаком.

У Кости всё так же проблемы с нижней частью. Мёрзнет пиписька. Как её согреть, уму непостижимо.

Руками не доберёшься, и ноги сжимая, толку не добиваешься. Хоть бы не отморозить! Есть один единственный способ сохранить нужную часть тела – подольше задерживаться у горячей кучи. Но долго не постоишь – шлака много, Оля подгоняет.

Холод усиливает тягу в туалет.

Туалет, шедевр архитектурной мысли, расположен вблизи переходного моста, недалеко от места работы. Высокая деревянная будка состоит из двух отделений. Отхожие отверстия, сделанные на уровне пола, разделены сплошной перегородкой. В хлипких дощатых

дверцах вырезаны ромбовидные отверстия, в которые можно заглянуть с улицы и убедиться, что «толчок» занят – видно лицо тужащегося человека, смотрящего на тебя задумчивым туманным взглядом.

Проблемы с нижней частью, похоже, испытывают и другие временные знакомые, некоторые из которых впоследствии станут постоянными. И не просто знакомыми, а друзьями.

Первыми не выдерживают женщины. Помчались вслед за Наташкой. Долго никто не сидит, времени на раздумье жуткий холод не даёт. Выскакивают с похвальной скоростью, торопясь к куче горячего шлака. Одежду над теплом удобнее поправлять.

Юра и Костя гордо терпят нужду. Хотят показать дамам, что не такие они бегунки. Время подошло, когда терпеть стало невмоготу. Нужда подпёрла к краю, теперь не до стеснения – не обмочить бы штаны.

Рабочие временной бригады бегают по очереди в место, куда короли ходят пешком. Не дай бог, видеть королю такое загаженное место. Твердые кучи Монбланами возвышаются намного выше предполагаемого отверстия, заваленного дерьмом. До самых дверей и даже за дверь, на свободу, тянутся желтые наледь. Чуть дымится жёлтый след свежего жидкого отправления, не успевшего до конца застыть.

Костя выбирает место поприличнее, хотя это трудно сделать, жёлтая застывшая моча покрывает подход к туалету и всё пространство внутри.

Была – не была, решился. Жуткий мороз железной лапой схватил голую плоть. Пришлось взять её в руки и отогревать. Боль заставляет приплясывать на месте. Душу согревает мысль, что женщинам еще хуже. Как же они «это» на морозе делают? Теперь понятно, почему женщины вылетают из туалета ошалевшие.

– Обед! – слышат долгожданную команду Ольги. Команду восприняли с радостью, особенно Костя. Первые полдня прошли, Костя выдержал, работая наравне с взрослыми.

Костя волоком тащит носилки на кучу горячего шлака, принесённого недавно. Наташа идет рядом, прижимаясь к Косте боком. Помогает перевернуть носилки. Садятся парами, как работали. Корыта носилок выполнены из листового железа, поэтому не боятся, что они сгорят. Кроме того, шлак успел поостыть – красных кусков не видно.

– В бытовку не пойдем, – категорично говорит Оля, словно догадываясь о желании работников пообедать в помещении. – На обед не больше получаса. Долго рассиживаться нельзя; на горячем шлаке разогреемся, разомлеем, потом хуже будет – обморозимся моментально.

Лишь напарник Юрка поддакнул ей. Остальные промолчали. Что скажешь? Оля самая опытная среди них. В прошлом году Оля уже работала зимой на уборке. Косте Оля вообще кажется старушкой; ей за двадцать – большой возраст, хочется назвать тётей. Кроме того, она поставлена над ними пусть и неофициальным, но начальником. А Косте родители давно и прочно вбили в голову житейское правило, как костылями рельсы к шпалам, что начальник всегда прав.

Жизнь в стране улучшается. Но далеко ещё до благополучной, и ничего удивительного в том, что у всех временных работников обед находится в кармане телогреек. У временных работников скудная еда! Конечно, при желании можно назвать кусок черного хлеба обедом, если не особенно придираться к количеству блюд. Например, у Кости и у девушек на обед припасен просто черный хлеб, а у Оли и Юрки – хлеб, намазанный маргарином – это одно блюдо, или всё-таки два? Роднит их блюда то, что у всех хлеб заморожен до твердости кирпича. А у Ольги и у Юрки – два кирпича. Маргарин тоже замёрз.

Попробовали хлеб на зуб. Откусить кусок замороженного хлеба невозможно – зубы ломаешь. Выход один. Не сговариваясь, кладут хлеб на горячий шлак и ждут, пока отогрется.

Ничего вкуснее в жизни Костя не ел. Ни с чем нельзя сравнить вкус разогретого на шлаке хлеба, пропитанного кислым запахом угара.

Молодым людям много ли надо для счастья? Поел «черняшки» и на душе повеселело, кажется, даже мороз смирил свой нрав. Сытый желудок хорошее подспорье душе назло морозу.

Умница Оля учла их состояние и разрешила пять минут отдыха. Правильно сделала, никому не хочется сразу после еды вставать. В тепле, от горячего шлака, тело Кости сделалось вялым. Тянет в сон. Голова клонится к коленям... Заснуть не даёт голос Юрки, сидящего с левой стороны, и декламирующего:

– Крошка сын к отцу пришел, и сказала кроха: «Счас бы Олю хорошо»! – «Да, сынок, неплохо»!

– Юр, ты чего молотишь, извращенец? Постеснялся бы ребенка! – шипит Ольга.

– Оль, пойдем в туалет? Хочу тебя. Пошли, палку брошу, – слышу шепот Юрки, наклонившегося к платку Ольги.

– Отстань! Я девушка семейная.

– Ты не представляешь, как я рад твоему сообщению! Поверь, и я женат, нам проще сговориться. Пожалей мужчину, который не в состоянии выдерживать демонстрацию женского зада.

– А не стой сзади. И, вообще, ты – совсем дурак! В такой мороз куда-то идти с тобой? Даже не думай!

– Ну, Оль, тебе чего? Трудно штаны снять? Только один раз.

– Нет, нет и нет! Попробуй на таком морозе штаны снять! Потом лечись. Застужу всё, что можно застудить. Отморожу филейные и ещё кое-какие нежные части... Нет! Не буду, не дам, не приставай. А не то схлопочешь по морде!

Юрка обидчиво огрызнулся:

– Напугала!

Немного посидев, Оля громко скомандовала, чтоб все услышали:

– Встаём, встаём, достаточно отдохнули! Пора заканчивать возню на этом участке! Нам до конца смены необходимо убрать снег с южной стороны. Так что, поторапливайтесь!

Ольга, за ней Юрка, взялись за ручки носилок. Пошли к остаткам неубранного шлака. Остальные беспрекословно, гуськом потащились за ними, всем видом показывая: до чего же не хочется вновь впрягаться в нудную работу!

С остатками шлака намучились. Горячий шлак растопил снег до воды. Куски шлака остыли и вмёрзли в лёд – получился «шлаколёд». Возьются, ковыряются. Выбивают куски шлака, разрушая монолит. Ломика или кувалды нет, уродуются совковой лопатой.

«Наша взяла!» Почистили пути, отнесли остатки.

Наташка обняла Костю за плечи:

– Пошли, дружок, снег молотить.

– Пошли, Наташ!

Берут инструмент и вперёд – на другой конец станции. За ручку несут носилки, лопаты на плече, как винтовки у солдат на параде. Бригада «Временных» идёт в бой со снегом. Берегись снег! «Временные» люди решительные! Им не посмеют сказать: «Кто тут «временные», слазь!» Прогонять их нет дураков!

Остановились на подъездном пути со стороны станции Дуськи. Ольга войдя в роль командира, ставит задачу:

– Убрать снег в сторону перрона. Граница наступления – отметка начала уборки снега отвалом снегоочистителя, ушедшего в сторону Дуськи. С того места, где мы стоим, отделившись от подъездного пути рельсы расходятся через переплетение стрелок по запасным путям. Нам следует двигаться в сторону увеличения количества путей.

Каждой паре достался свой участок работы. Косте и Наташе выделили участок пути от «горки». Для тех, кто не знает, что такое «горка», поясняю. Паровоз-толкач затаскивает вагоны на небольшую возвышенность. Сцепщик отцепляет от состава один вагон, и тот самоходом катится под горку. Внизу стрелочник переводит стрелку и направляет вагон на определенный путь, формируя новый состав.

В Железноводске составы, идущие с Севера, досматриваются солдатами внутренних войск. Досматривают с овчарками: ищут бежавших с зон зэков. Проверяют сверху и снизу. Опилки и стружки в вагонах протыкают острыми длинными щупами. Осмотренные вагоны, затаскиваются на горку. Вновь сформированные составы, отправляются в Киров, Москву, в Ленинград.

В Ленинград идут составы с пиловочником, углем и нефтью. В Киров гонят кругляк, нефть, опилки, шпалы... В Москву везут крепежный лес метростроителям, шпалы, пиловочник...

На Север чаще всего перегоняют порожняк, доставляют шпалы, военные грузовики, трелёвочные тракторы, лесовозы, рельсы. А также продукты главным образом в трудовые исправительные колонии. Ни днем, ни ночью не прекращается жизнь на станционных путях.

С середины дня на станции большое оживление. Вдоль составов ходят мужчины среднего возраста в овчинных солдатских тулупах. Идут смазчики с маслёнками. Молоточком на длинной рукояти постукивают контролёры колёсные пары. Стрелочники регулируют движение составов, распределяя их по путям. Мужчины заняты станционным обслуживанием составов.

Временные работники убирают снег до самых шпал. Убирают между рельсами и на метр в сторону от каждого рельса. Особое внимание уделяют стрелочным переводам, рельсовым острьякам, крестовинам. Зазор между острьяком и рельсом не допускается – состав может сойти с рельс. Оля приносит метлу, и все вместе начисто выметают снег вокруг острьяка. Такое же внимание уделяют крестовинам.

Выполняют работу, которая не под силу снегоочистителю. Да и что с машины взять: железяка – она и есть железяка. Как в том анекдоте: «По реке плывёт топор от деревни Зуева. Ну и пусть себе плывёт, железяка хренова!» Пусть мотается до станции Дуська и обратно железный снегоочиститель, а они будут добросовестно выполнять работу, указанную Камбалой. А товарищ Камбала, это вам не железяка с гудком. Не понравится выполненная работа, возьмёт и не заплатит. И что ты ему сделаешь? Хозяин, он не только в доме барин, но и на железной дороге!

Снег относят за пределы путей.

С этой стороны туалет почему-то не предусмотрен, ходить по нужде приходится за вагоны составов, стоящих на запасных путях.

Ритмичное движение сильно натруженных рук и ног разогревает тело – сказывается накопленная усталость. Люди адаптировались к стуже, на мороз не обращают внимание. Как сказал Юра:

– Мы на мороз «пилюём».

Работа закрутила в тугой узел тело и мысли. Ни о чём не хочется думать. Нет, враньё. Одна мысль живёт – скорее бы закончилась смена. Домой, домой, в тепло, к горячим жидким щам. Жизнь станет просто замечательной, если щи будут заправлены мясом. Да разве отец допустит такую роскошь. Детям запрещено лезть в миску раньше отца. Первые ложки густых щей – его, кусок мяса в щах – его.

Помотав ложкой в щах, и не найдя больше ничего ценного, отец позволяет детям приступить к еде. Детям разрешено искать в юшке несуществующее. Проще найти чёрную кошку в тёмной комнате, чем кусок мяса в пустых щах.

Больше чем в мясе, Костя нуждается в отдыхе под ватным одеялом, сшитым матерью из цветных лоскутков!

К очищенной стрелке подошел железнодорожник. Перевел стрелку на другой путь. Похвалил:

– Молодцы, ребята, славно потрудились. Легко остряк переводится, спасибо!

Значительно позже Костя за свой труд будет получать много различных благодарностей и устных и письменных и даже медаль, но эта благодарность, сказанная простым стрелочником, у него первая в жизни и потому самая дорогая, запоминающаяся.

Следующий день ничем не отличался от первого.

То есть, совсем Константин Иванович заврался, конечно, отличается! Утро. Нет сил поднять тело с нар, сбитых из грубых досок, по версии Ивана Михайловича – лучшая детская постель. Тело болит, с надрывом кричит: «Ну, её к чёрту эту работу!» Хотя бы кто-нибудь нехорошо помянул упёртый Мороз, и простуженный свист паровозов... Но не находится в доме желающих!

Сёстры и братья дрыхнут. А Косте вставать!

Не хочется вставать. Не хочется никуда идти. Сил нет вставать. Сил нет идти.

Поднял с постели окрик «любимого» отца:

– Ты встанешь, там-там-та-ра-рам, или арапника дать?

После утреннего музыкального мата Косте бы в ответ заорать: «Пощадите, пожалейте! Сироту, меня согрейте... Посмотрите, ноги мои босы»... Нет, не босые, а одеревенелые, не годные к работе. На них ступать страшно. Заранее посылают сигнал, что будет больно.

Ради примера попробуй, заори!

– Костя, вставай! – шепчет мать. – Папка за ремнём пошёл...

С трудом поднялся, встал на больные ноги. Затолкал в рот чего-то такого непонятного, положенного на тарелку матерью, пожевал; через силу оделся. С трудом волоча руки и ноги, пошел, подгоняемый морозом, с больными мышцами, повторяя: «Суди его бог», разводя безнадежно руками – мысленно, мысленно: на деле руки не развести.

Злобный батюшка Мороз, сопровождаемый туманом, продолжает держать «временщиков» за шкуру, испытывая на прочность. На путях такие же огромные кучи шлака. Куч значительно прибавилось. И за ночь снега намело, будто вчера не упирались рогом.

Через пару часов скованность мышц стала проходить. Ноги потихоньку, полегоньку вернулись в нормальное состояние. Руки ещё тяжелые, но на такую мелочь можно и не обращать внимания.

С Наташей поменялись местами. Юрка Каменев опять старается ходить вторым номером. Когда опускает носилки, не мигая, смотрит в одну точку. Ольга оборачивается и с ненавистью цедит сквозь зубы:

– Опять мой зад изучаешь? Скоро твои глаза прожгут меня насквозь и вылезут спереди! Давай местами меняться?

– А вот этого, не хо-хо? – показывает кургузую фигу из рукавицы. – Мне больше нравится быть за тобой. Не проси, меняться не буду, пока не договоримся.

– Ну и черт с тобой – пялься! На! – согнулась, демонстративно выставив большой круглый зад. Парочка перестала стесняться окружающих, занятые собой, остальные для них уже как бы и не существовали. Разговаривают почти в полный голос. Когда они переговариваются, остальные, молчат, поэтому слышно каждое слово «стариков».

– Оль, один разок. Убудет тебя, что ли? Иди в левую дверь...

– Почему в левую? А если хочу в правую? Нельзя девушке покапризничать? хочу в правую – и всё! Дама я или не дама? Неужели не пойдёшь даме навстречу? И в правой дверце смотровое окошечко вырезано повыше, никто не подсмотрит...

– С левой стороны на толчке навалено меньше, – грубо отвечает Юрка.

– Теперь понятно. Сразу бы так объяснил! Ох, и достал же ты меня! – сокрушённо произнесла Ольга. Бросила носилки в стороне от кучи шлака, чтобы не попали на рельсы, и не раздавило паровозом, не спеша направилась к деревянной будке.

Когда за Ольгой закрылась дверь, Юрка, радостно заулыбался, забыв про носилки, лопаты и шлак галопом помчался в загаженный туалет.

Мы застыли в позе последнего прерванного движения. Глаза сверлят дверь, закрывшуюся за Юркой. Незаметно для других, приоткрыли уши, сдвинув в сторону головные уборы. Если нельзя увидеть, так, может, что-нибудь услышим?

Напряжённая Наташка стоит, крепко сжимая в руке черенок лопаты. Свободной рукой держится за нос. Две другие девчонки сложили руки на груди и тяжело дышат.

Костя мысленно помогает Юрке раздевать Ольгу. Дальше этой картинки детское воображение не дорисовывает.

Косте интересно знать, чем занимаются Юрка с Ольгой в туалете. Что мужчина и женщина делают? Ответ на вопрос подсказывает нижняя часть тела, живущая активной жизнью – хоть бы Наташка не заметила выпирающего внизу бугра – вот стыдуха будет!

Через короткое время от мощного толчка дверь туалета со стуком распахнулась. В проёме показался Юрка, держащийся двумя руками за промежность и приговаривающий:

– Бля! О, бля! Теперь почернеет и отвалится. Могла ведь не согласиться.

«Юрка, паразит, поступает не по-мужски, решает сделать Ольгу крайней».

– Козёл, – возмущается Ольга, выскочившая вслед за Юркой. Она бежит в сторону кучи шлака за пределы путей, в тепло.

Гладит руками ноги в районе ляжек, энергично хлопает по заднице. На ходу бормочет, не стесняясь нас:

– Ну, мудака! Ну, и мудака! Захотел ещё разочек! Из-за тебя, сволочь, обморозила ляжки и задницу. И кое-что ещё в интимном месте. Как мужу теперь покажусь, как объясню ему обморожение в таких местах?

Юрка, сидит на горячем шлаке, и, глядя на размахивающую руками, бегущую к нему Ольгу, закатывается в хохоте.

– Чему смеёшься, урод, чему радуешься? – возмущается она, продолжая охлопывать руками обожжённые морозом части тела. – Покалечил женщину. Доволен?

– Посмотрела бы на себя в зеркало, женщина! Как курица крыльями машешь.

– Лучше, Юра, на себя посмотри. Зажал свой малюсенький отросток в кулаке и лыбишься. А ты чего «его» держишь рукой? Случайно не обморозил? – вдруг, испуганно спросила Ольга.

– Ну, да! Похоже на то! Больно...

– Почему сразу не убрал в тепло? Говорила же! Так нет: «Давай ещё, давай ещё разочек» – вот и получил! Ой, а как же ты без него теперь будешь жить? – это уже прозвучало миролюбиво.

– У меня дома медвежий жир есть. Помажу, буду за тобой бегать как медведь в пору течи у медведицы. Мы с тобой ещё такую любовь закрутим, шлаку жарко станет, – отвечает довольный Юрка.

Ольга счастливо улыбается.

– Ох, Юра, хотя бы у тебя осталось без последствий. Держись, Юрка! У меня не такое уж сильное обморожение, должно пройти. А мужу чего-нибудь совру. Скажу ему, что понос на работе пробрал, долго сидела на толчке. Он у меня доверчивый, и не то слопаёт! А теперь, молодежь, когда посмотрели на бесплатное представление двух идиотов, порадовались, глядя на нас, продолжайте таскать шлак. А мы с Юркой посидим, погреем кое-что. Легче станет, присоединимся...

– Счастливая, – глядя на Ольгу, произнесла Наташа. – А мне с кавалером не повезло.

Вроде бы и не виноват Костя перед Наташей, а почему-то отвернулся, спрятав от напарницы глаза.

* * *

Долгий месяц без выходных Костя будет вкалывать на пару с Наташей: таскать шлак, снег; очищать рельсы; планировать снежные откосы – работать душа в душу.

В редкие минуты отдыха по привычке будут садиться рядом, как самые близкие люди, рассказывать о своём семейном положении, делиться историями из жизни, печалью и радостями. У Кости таких душевных бесед со старшими сёстрами никогда не бывает: они сами по себе, он сам по себе. Пути семейные братьев и сестёр никогда не пересекаются, и, вряд ли пересекутся.

Наташа для Кости уже не старая, а самый близкий и самый дорогой человек.

«Стану старше, точно женюсь. Но это в будущем».

Будущее расставило вехи жизни по своим местам. Отец Наташи освободился из второй исправительной колонии инвалидом, забрал жену и дочь. Увёз в Куйбышев. Наташа несколько лет писала письма, на которые Костя добросовестно отвечал, старательно обдумывая каждую фразу.

Работая в ремстройконторе в деревообрабатывающем цехе, став «взрослым», получил от неё прощальное письмо. Написала, что вышла замуж за мужчину: разведённого и на шестнадцать лет старше её.

Не сдержала обещания, не дождалась совершеннолетия «напарника». От обиды Костя готов был лезть на стенку. Хотелось крушить, что-нибудь сломать...

Железнодорожная любовь предала Костю, оставив на сердце глубокий шрам.

О последнем письме Наташи Костя рассказал своему лучшему, на то время, другу Грине Бергу. На что тот философски ответил:

– Да, старик, мужику получить такое письмо, всё равно, что порезать ножом яйца!

«Старику» шёл шестнадцатый год.

Наташа родила мальчика, через год – девочку. Продолжает жить со своим престарелым мужем и не надо ей другого мужчины.

В молодости горюют недолго. Увидел Костя девочку Иру, переехавшую жить из сиротского дома к приёмным родителям на Партизанскую улицу. По уши влюбился.

Шла она по тропинке мимо их дома на Рабочей улице вся из себя такая-растакая. Нарядная куколка: в белой кофточке и красной юбке; на ногах маленькие чёрные туфельки... В спину ей светило солнце.

Шла в ореоле солнечного сияния, чему-то улыбаясь. Шла как подарок, посланный свыше – для чего же тогда она встретила на его пути?

– Чего ты в Ире нашёл? – подошла со спины мать: – Маленькая, худая, узкоглазая. Скулы выпирают... Горбатится...

Дальше не стал слушать, пошёл в сарай строгать бруски для рам.

Умеет мать под дых дать так, что на всю жизнь остаётся память с нехорошим осадком на душе.

Заведующая прачечной Милкина любовь

Посёлок Железноводск. Шесть исправительно-трудовых колоний и пятнадцать тысяч населения, напрямую связанного с их деятельностью. Колонии – центр жизни осуждённых, отбывающих наказание; вышедших на волю, добровольно приехавших поближе к супружеской половине, находящейся в зоне. Жизнь – это работа в зоне или на зону, зарплата, еда.

Вблизи исправительных колоний каждый клочок земли занят огородами и ветхими строениями. Основа контингента уродливых построек – это бывшие зэки, отсидевшие срок и оставшиеся жить здесь постоянно. А также семьи, ждущие выхода кормильца на волю. Кто как мог, так и строился.

Посёлок расположен на берегах двух рек: Выми, и Северной Кылтовки. Полноводная река Вымь ограничивает рост посёлка вглубь Пармы, в направлении Заполярного круга. Вихлястая взбалмошная Северная Кылтовка разрезает посёлок на две неравные части: Северную и Южную. Размеры и граница застройки территорий определяются исключительно исправительными колониями, обнесенными колючей проволокой и вышками. Численность контингента и, соответственно, площадь, занимаемая колонией, соответствуют специфике выполняемых работ.

Северная мужская исправительно-трудовая колония (СИТК) занимается техническим обслуживанием и ремонтом железнодорожного подвижного состава. Ни днем, ни ночью не умолкает рабочий шум железнодорожного вагонного депо (ЖВД). Ни днём, ни ночью не затихает жизнь в зоне.

Один отряд выходит из ворот зоны и под конвоем направляется в депо на очередную рабочую смену, другой отряд возвращается после смены.

Совместно с зэками трудятся вольнонаемные, мало чем отличающиеся от зэков: тот же усталый вид, те же натруженные руки, такие же головные уборы и... темного цвета телогрейки, промасленные до подкладки... Ютятся в таких же темных и ветхих, продуваемых ветром, выстуженных морозом, дощатых, «утепленных» опилками, бараках.

Вольные поселенцы Железноводска отличаются от зэков только одним – не носят пришитых номеров на телогрейках и спят в собственных койках, а не на нарах. Людей, спящих в собственных постелях, не охраняют солдаты. Они могут свободно перемещаться по территории посёлка куда захотят и когда захотят. Имеют паспорта.

Паспорта валяются дома. Никому не приходит в голову носить документ при себе, поскольку милиционеры прохожих не останавливают, документ не спрашивают.

Южная центральная мужская исправительно-трудовая колония (ЦИТК) обслуживает железную дорогу: пассажирскую станцию, товарную станцию, пристанционные постройки, путевое полотно. Командировки Южной ЦИТК занимаются строительством и ремонтом полустанков, разъездов и переездов, входящих в зону ответственности десятой путевой части Северной железной дороги.

Северная Кылтовка, которая не превышает в ширину семи метров, в переводе с местного означает «Северная сплавная река». Бригады зэков лето, осень и зиму на лесных командировках заготавливают в верховье реки лес, раскряжёвывая его на шестиметровые брёвна. Лошадьми и тракторами их стаскивают в штабеля на высокий берег.

В половодье уровень воды в Северной Кылтовке поднимается. Река выходит из берегов, затапливая пойменные луга.

Когда сходит лёд, штабеля леса сталкивают в воду. Река подхватывает брёвна, бьёт одно о другое, ставит торчком, всаживает в дно. Сплошной поток древесины, сплавляясь, уничтожает на своём пути всю живность в воде, ломает берега, изменяет русло.

Северная Кылтовка, по мере сил, помогает Выми, несущей основную нагрузку по доставке леса к запани. Вымь размахнулась в ширину на пятьдесят метров, местами больше. И в отличие от Северной Кылтовки сплав леса по Выми длится весь тёплый сезон «ото льда до льда».

Перемещение леса по воде самоходом, в поселке называют молевым сплавом.

Спадает вода и на песчано-глинистых берегах Выми и Северной Кылтовки остаются заиленные брёвна. Летнее время дорого. Тратить его на вытаскивание молевого леса из заиленного берега смысла нет – по реке плывёт чистый лес, успеть бы новые кубометры обработать!

В жаркую погоду брёвна на берегу подсыхают. Население посёлка массово выходит на берег. Начинается несанкционированная заготовка дров на зиму.

На берегу сооружают самодельные козлы. На козлах двуручной пилой разделяют брёвна на чурки. Чурки раскалывают. Рядом с козлами формируют поленицы. С первым снегом и крепким морозом санками или лошадьми дрова развозят по домам.

Массовая вырубка леса по берегам Выми и Северной Кылтовки и молевой сплав привели к обмелению рек и гибели ценных пород рыб. Можно пройти от притока Выми до Рак-пусовских болот и не поймать ни одной красной рыбки, ни одного рака, которыми ранее славилась лесная красавица Северная Кылтовка.

Многие десятилетия у местного деревенского населения основным видом транспорта был пароход. Пароходом жители деревень добирались до поселения Усть-Выми, расположенного в месте слияния Выми и Вычегды. От Усть-Выми по Вычегде плыли до столицы республики. Пароходы соединяли деревни бассейна Выми со столицей.

Регулярные перевозки пассажиров из деревень, расположенных по берегам Выми с началом массовой вырубки леса и молевого сплава прекратились. За пароходами пришёл черёд больших пассажирских катеров.

С прекращением судоходства конец наступил красной рыбе, основному источнику питания местных жителей. С гибелью сёмги стали хиреть местные поселения, начался отток крестьян из деревень.

Сёмга смогла выжить вдали от Железноводска в верховье Выми, за порогами, там, где не совершают кощунства над лесом. Пороги даже в половодье стоят непреодолимой преградой сплаву древесины. Благодаря порогам сохранилась в первозданном виде большая территория Пармы.

Коренным жителям деревень стало намного тяжелее добывать красную рыбу. За семгой приходится отправляться на моторных плоскодонках в дальнюю поездку. В районе порогов лодки перетаскивают волоком.

Водная транспортировка леса, загружает работой деревообрабатывающий комбинат (ДОК), первую, вторую и третью исправительно-трудовые колонии (ИТК) расположенные на берегу в южной части посёлка. Деревообрабатывающий комбинат лес вытаскивает из реки перед запанью, ИТК – ниже по течению, за запанью.

ДОК работает в две смены, а население трёх мужских колоний, трудится не покладая рук круглосуточно, лесотасками поднимая из воды брёвна, которые большими порциями поступают от ворот запани.

Каждая зона оборудована двумя лесотасками. С весны до глубокой осени не умолкает грохот цепей. Замолкают лесотаски, когда Вымь отдыхает подо льдом.

Стоя по колено в воде, зэки баграми подводят брёвна ближе к берегу. Цепные лесотаски острыми шипами подхватывают их и доставляют на береговую сортировочную площадку.

С сортировки часть брёвен заданного диаметра поступает на склад. Брёвна большого диаметра, направляются на шпалорезки. Северная железная дорога пожирает огромное количество шпал.

Нестандартный лес обеспечивает работой пилорамы. Там разваливают брёвна на брус, доску – дюймовку, половую доску...

Готовая продукция отправляется в сушильные цеха.

По характеру выполняемых работ, по насыщенности машинами и механизмами береговые исправительно-трудовые колонии, по сути своей, являются огромными дерево – разделочными комбинатами с полным технологическим циклом начиная с заготовки леса и вылова из реки древесины и заканчивая отправкой готовой продукции потребителю.

Шпалорезки и пилорамы работают в четыре смены с перерывом на заточку пил и ремонт.

Если заглянуть в промышленную часть колоний, то можно увидеть огромные штабеля кругляка, шахтного крепежа, пиломатериалов: бруса, доски обрезной и не обрезной, и... горы опилок.

В береговых зонах формируются товарные составы. Одни полувагоны и платформы загружаются круглым лесом и шпалами, другие: брусом, досками. Вагоны с открытым верхом заполняются опилками, прессованными стружками.

Раз в два дня маневровый тягач с натугой тащит длинный состав с продукцией за двойные ворота. Состав продвигается мимо строя вооружённых солдат, стоящих в воротах по обе стороны пути и на высоком деревянном мостике, перекинутом над створками ворот.

Солдаты внимательно досматривают и провождают глазами каждый вагон. Зэки хитры. Ради свободы могут спрятаться под вагоном или в вагоне с опилками, бывает и с брёвнами.

Зэки волчьей породы на волю рвутся.

На станции тягач меняют на маршрутный паровоз. При смене паровозов, солдаты с овчарками ещё раз досматривают вагоны. Если спрятавшихся зэков нет, состав отправляется по назначению.

В трёх километрах от первой мужской колонии в районе крутой излучины Северной Кытловки расположена женская сельскохозяйственная исправительная колония. В сферу интересов колонии входит работа на полях совхоза, выращивание сельскохозяйственной продукции.

Северный район посёлка занимает плоскую возвышенность между правым берегом Северной Кытловки и свинарником. В центре возвышенности располагается Северная НТК (СИТК). За проволокой проводят жизнь колонисты, получившие средние сроки. Слева от колонии, за железной дорогой, в маленьких домиках – скворечниках, сляпанных на скорую руку, ютятся жители кривых безымянных улочек. Домики построены так, чтоб удовлетворить лишь самые насущные нужды: дать крышу над головой и обеспечить закуток для мелкой живности. Обустраивались на недолгое время, а всё временное в Союзе, как известно, становится постоянным.

Хозяева, главным образом женщины, ждут освобождения своих мужей. Они ещё в крепком возрасте, но домики без мужских рук за несколько лет наклонились на бок, крыши прохудились. Заплаты на крышах, сделанные руками баб, кроме жалости, других эмоций не вызывают. Сарай, сбитые из бракованной или сворованной в депо вагонки, подпёрты столбиками. Покосились, но упрямо стоят, в ожидании лучших времён. Чахлые огородики в четыре сотки под картофель и лук в сочетании с ветхими жилищами, кричат в «голос» об одиночестве хозяек и их непроходимой нищете.

За железной дорогой влачит жалкое существование обслуга Северной зоны: медички, поварахи, прачки, уборщицы комнат офицерских казарм и жилых помещений и прочий вольный люд, ждущий своих мужей из неволи. Живут надеждой и зоной. Зона для них, как и для зэков, наше всё. И одним, и другим она мачеха.

Одна баба, замученная заботами, дождалась радостного дня. Встретила у ворот зоны, живого и, вроде здорового, мужа. Супруги не стали ждать осени. Бросили на произвол судьбы дом с покосившимся сараем, трёх тощих кур с петухом, и скудный урожай на огороде, и уехали в Центральную Россию, на родину.

Дом недолго простоял без хозяйского присмотра. Над хлипкой дверью появилась косо прибитая фанерная вывеска «Продовольственный магазин». За бутылку водки местный художник, прозванный соседями мазилой, покрасил фанеру и написал текст. Краска на следующее лето выплела, потрескалась, местами отстала. Прочитать текст можно, только имея богатое воображение.

А кто его читает? Все женщины знают, что в новом магазине продаются не только штучные или развесные продукты: хлеб, халва, конфеты – медовухи, но и бочковые: солёные огурцы и помидоры, мочёные яблоки.

На Северной территории у женщин появился "свой" магазин. Уже нет необходимости получать пропуск для прохода в зону, чтобы купить нужные продукты в лагерном магазине.

Не смотря на то, что есть «свой магазин», всё равно жители с нетерпением, как праздника ждут прибытия вагон лавки. Два вагона с продуктами и продавцами прибывают в посёлок по четвергам. Один торговый вагон останавливается вблизи депо, второй рядом с бытовкой Камбалы.

Торгуют они с восьми утра до восьми вечера. Торгуют с колёс.

Встречают жители передвижные торговые лавки всем посёлком – бабы заговариваются сахаром, чаем и дешёвым вином. По графику следующий приезд вагонлавки через неделю, поэтому вина берут много, впрок. Очередь движется медленно, но недовольных нет. Очередь не стоит безмолвно: бабы обмениваются информацией. Не остаётся в стороне от оживлённого разговора и продавщица.

Вечером за ужином хозяйки делятся новостями.

С правой стороны Северной НТК, ближе к лесу, разбит аэродром с грунтовой взлётно-посадочной полосой и полосатой «колбасой», развевающейся на высоком шесте возле деревянного здания аэропорта. Первоначально взлётно-посадочная полоса планировалась в качестве аэродрома подскока для руководителей областного НКВД. С увеличением количества зон и числа зэков, лагерной инфраструктуры и охранных подразделений функция аэродрома изменилась. Аэропорт обзавёлся собственными самолётами.

На широком аэродромном лугу, ограниченном с востока длинным косогором, по которому проходит граница густого хвойного леса, отдыхают от трудов праведных пассажирские и сельскохозяйственные легкокрылые самолёты, переоборудованные под нужды поселка из довоенных летательных аппаратов.

Пассажирские аэропланы летают в Устьзадомье, Ижму, Ухту, Микунь, столицу республики... в мелкие посёлки и даже, в ближние и дальние деревни, например, в Туршу, Корткерос, Пезмог...

Сельскохозяйственные самолёты распыляют удобрения на поля сельхозугодий. Обработывают ближайшие болота, оберегая население от малярийных комаров. Гул самолётов-тружеников не стихает до сумерек.

Свои сельскохозяйственные отделения имеют Северная, Южная центральная исправительные колонии и женская колония. На полях трудятся и колонисты, и вольнонаёмные рабочие. Урожай собирают богатый, благодаря зэчке из четвертой женской НТК Устьжелезноводсклага. Бывшая служащая банка, а ныне агроном куста отделений, начитавшись кни-

жек об агрокультуре, съездив по поручению руководства зоны на курсы, стала лучшим агрономом района. Район сельхозугодий большой, занимает не одну сотню гектаров. Пешком не обойдёшь. Для объезда полей за агрономом закрепили полуторку с персональным шофёром.

Агроном-зэчка добилаь от скудных земель невиданного ранее на Севере урожая: ржи и пшеницы, так необходимых для выпечки собственного хлеба. Хлеб выпекают вблизи СИТК. В пекарне трудится смешанный состав колонисток, получивших право на вольное поселение, и вольнонаёмных женщин.

Длина полей в приустьевой части Северной Кылтовки достигает нескольких километров. Полевое хозяйство полностью обеспечивает исправительные колонии картофелем, морковью, капустой..., хлебными злаками.

За окраиной частных жилищ Северного, на пригорке, расположена свиноферма с подсобными помещениями. Свиноферма – откормочный комплекс. Основной состав рабочих свинофермы – колонисты. Откармливать хрюшек помогает обслуга, живущая в собственных домах за пределами ограды.

Пятидесяти свиньям на свежем воздухе живётся не просто вольготно, а замечательно. В полное распоряжение хрюшек отдано большое пространство с нетронутым массивом леса. Ройся в земле в своё удовольствие, жуй вкусные корешки. В жаркое лето спускайся к влажной низине, и наслаждайся, валяясь в грязи, принимая лечебные ванны.

У свиней жизнь лучше, чем у зэков. Над свиньями не стоит часовой с автоматом, хотя те и другие живут за проволокой.

Плохо одно – век свиней недолог.

В трёх километрах от свинарника, среди красивых мачтовых сосен, на обширной территории устроено животноводческое хозяйство. К коровнику подведена отсыпанная и хорошо спланированная песчаная дорога. Планировка регулярно обновляется тяжёлым угольником, срубленным из шестиметровых брёвен, и обшитым толстым листовым железом. Два раза в неделю гусеничный трактор тащит по дороге металлический угольник, сглаживая дорогу.

В животноводческий комплекс входят довольно большой по меркам Севера коровник на семьдесят голов, телятник на тридцать голов, молочный сепаратор, склад фуража и подсобные помещения обслуживающего персонала.

Гордость коровника – могучий племенной бык, вывезенный после окончания войны из Польши. Огромный, чёрной масти, с мощной грудью, бык не подпускает к себе никого кроме пастуха.

Пастух быка тоже сторожится, подходит с опаской, держа в вытянутой руке кусок хлеба, задабривая «зверя».

Чтобы сделать животное покладистым и управляемым, в нос его продето металлическое кольцо десятисантиметрового диаметра, выкованное кузнецом Северной зоны. За кольцо зверюгу-быка водят по территории комплекса, приводят на свидание к корове для выполнения бычьих обязанностей. Кольцо соединено с тяжелой длинной цепью из продолговатых звеньев. Бык с цепью не расстаётся, даже на пастбище таскает за собой.

Цепь глухо позвякивает.

Налитые кровью глаза быка страшны, не каждый человек решится в них смотреть. Бык людского взгляда не любит, мгновенно возбуждается: изо рта течёт слюна, кожа подёргивается, копыта зло роют землю. От греха подальше люди обходят животное стороной.

Во избежание неожиданностей, производителя на ночь привязывают.

От комплекса до выгона всего метров пятьсот. Коровы степенно, построением «хвост-голова», утром спускаются узкой тропой с возвышенности на пойменный луг Северной Кылтовки. Луг тянется длинными лентами в обе стороны от пастбища: в одну сторону на юг до

Железноводска, в другую – на север до Ракпуса. На лугу сочной травы много. Её хватает и на поправу, и на заготовку сена.

Зэки стогают сено по местному обычаю. Закапывают в землю длинный ряд заострённых вверху кольев и на колья нанизывают сухую траву. Сверху стог прикрывают лапником для защиты от осадков – дождя и снега.

После сенокоса вблизи стройных толстоствольных берёз стайками растут подберёзовики с коричневыми и серыми головками – собирай, не ленись. Для сбора грибов формируется бригада грибников. Грибники ставят на лугу навес и под навесом солят грибы в бочках. На подводах бочки отправляют в столовые командного состава внутренних войск и батальона НКВД.

Свинарник обеспечивает колонии свининой, коровник говядиной и молоком, лес грибами и ягодами, поля овощами и хлебом. Командировки зэков в дальние воды Выми, снабжают командный состав красной рыбкой.

В Северном районе, недалеко от красивого спуска в пойму, расположены дома офицеров внутренних войск, солдатские казармы. В ста метрах от казарм отгорожена часть для военных кинологов, обслуживающих ИТК. Между казармой кинологов и аэродромом стоит небольшая пекарня, в которой выпекают вкуснейший хлеб из собственной пшеницы.

В конце посёлка, за территорией аэродрома разместился батальон НКВД.

Площадь, занимаемая Южным районом, значительно больше Северного. В первую очередь за счёт ДОКа, дерево разделочных комбинатов первой, второй и третьей ИТК мужского состава, сельскохозяйственной женской и Южной Центральной колоний.

Нет смысла доказывать, что при таком количестве колоний, вспомогательный персонал, обслуживающий южные зоны, по численности превосходит персонал Северного. А если считать за население ещё и охранные войска, то станет понятно, какую территорию занимает Южный район по сравнению с Северной территорией.

Южный район посёлка начинается от деревянных двухбыковых мостов Северной Кылтотки: шоссе и железнодорожного. Тянется широким массивом вдоль берега Выми, а за восьмым отделением резко поворачивает в сторону Вычегды.

Восьмое отделение – поселение бывших поволжских немцев, сосланных в начале войны на таёжный Север.

Деление посёлка на Северный и Южный чисто условное, оно нужно лишь для того, чтоб лучше сориентироваться в местах проживания субъектов и с нахождением объектов.

Женщина спрашивает соседку:

– Куда собралась?

– В магазин иду!

– В районный?

– Нет! Хочу смотаться на Северный. В деповском магазине продают моченые яблоки. Бочковые. Бабы говорят – вкусные.

Мочёные яблоки, солёные огурцы и помидоры продают исключительно в магазине на Северном.

– Слушай, Поля, возьми и на меня пару килограмм. Позже рассчитаемся.

Послевоенный период – время бурного роста народного хозяйства, развития промышленности. Время инициатив.

Начальник главка управления НКВД, курирующий исправительно-трудовые колонии республики, вышел с предложением в наркомат внутренних дел: искусственным путем создать мощные эффективные поселения вдоль Северной железной дороги от Коноши до Воркуты. Предлагается, для прокладки второй нитки железной дороги и наиболее качественного её обслуживания, закрепить на СевЖелДоре специалистов-железнодорожников, отбывших срок заключения, ставших на путь исправления.

Для реализации проекта требуется всего лишь политическая воля руководства: издать приказ об освобождении заключенных с переводом их в разряд вольных поселенцев. Зону ликвидировать.

В качестве базовой площадки эксперимента предложены колонии Железноводска с плотностью шесть зон на сравнительно небольшое количество жителей.

Никаких затрат при этом не требуется. Достаточно в зоне собрать погодков окончания срока заключения. За полгода до окончания срока, перевести колонистов на вольное поселение. Подразделение внутренних войск снимает охранение, а всё остальное на добровольных началах эски делают сами: снесут забор, переделают бараки под индивидуальное жильё, заведут домашнее хозяйство.

Что это даёт государству? Первое: укрупняется населённый пункт. Второе: увеличивается число квалифицированных специалистов, закреплённых на земле по месту основной деятельности. Третье: растёт число детей – будущие кадры. Четвёртое: укрепляется партийная и советская власть на месте. А ещё высвобождаются специалисты для прокладки второй нитки железной дороги.

Что реорганизация даёт бывшим сидельцам? – получают жильё и работу. Заключённые своими силами возводили забор с колючей проволокой, сами и сносят!

Ломать – не строить.

Любит советский народ крушить старое, а уж уничтожение ненавистного забора с осточертевшими вышками доставит заключённым истинное удовольствие.

Если раскрыть зону, новые граждане не станут утруждать себя поиском работы и жилья. Где работали, там и продолжают, получив трудовую книжку. В каком бараке ютились, в том и останутся жить, получив прописку. Жить в несоизмеримо лучших условиях. Не на дощатых нарах, в пропахшем потом, портянками и испражнениями общем бараке, а в собственной комнате с личными кроватью и тараканами – женись, не хочу. Создав семью, станут рожать и воспитывать детей. Разве это не награда? Да за такую награду многие не пожалеют потерянных в зоне лет. Советские граждане, трудясь на производстве во имя коммунизма, по пятнадцать – двадцать лет ждут жильё, которое хотели бы назвать собственным. А здесь? Всего-то десятка пролетела мимо! И уже появилась возможность обзавестись семьей и самоотверженно трудиться во имя построения светлого будущего.

Почему-то власть предрежащие решили и, даже постановили, что будущее, в отличие от настоящего, будет «светлым». Пока же приходится мириться с жизнью в «тёмном» настоящем. Рецепт построения светлого будущего знают вожди. Они подскажут сроки окончания тёмной эпохи.

Жди! Отсиди срок за колючкой и жди осветления. Дождёшься! Кто-то там, наверху, думает за тебя, решает за тебя.

Например, начальник главка НКВД республики решил, что перевод зоны в разряд вольного поселения позволит значительно увеличить не только трудоспособное население, но и производительность освобождённого труда, что даст дополнительный толчок перспективному развитию инфраструктуры Севера.

Правильно считает.

Ежу понятно, что не все освобождённые граждане останутся в Железноводске. Кое-кто, ошавев от свободы, призвав, в попутчики фортуны, примет решение возвратиться на место своего рождения или же туда, где был прописан раньше. Большинство останется: долгое заточение в одном месте не проходит даром, оно определяет смысл жизни.

По-любому останутся бывшие сидельцы, у кого за время отсидки не осталось корней в родном краю, у кого в неволе выработался синдром привыкания к тяжелой жизни. Привычка к плохой жизни – вредная привычка, от которой порой трудно избавиться. А иногда и невозможно, если она становится средством к существованию.

Наркома госбезопасности Союза не потребовалось убеждать в перспективности проекта с закреплением специалистов, обслуживающих Северную железную дорогу, по которой в Центральную Россию поступают стратегические материалы: лес, уголь, нефть, тяжёлая вода... В природных богатствах Севера очень нуждаются центральные районы страны, разрушенные войной.

После окончания войны руководство НКВД нацелило все ИТК на производство продукции, необходимой для быстрее восстановления народного хозяйства.

С республиканским предложением, с детальной раскладкой экономической выгоды этого хозяйственного проекта, подобный которому никогда, нигде и никем ещё не проверялся на практике, нарком внутренних дел вышел на Вождя народов. Ожидаемая подпись Вождя поставлена, получено «добро» на экономический эксперимент.

Нарком поручил главку в кратчайшие сроки провести реорганизацию двух, по собственному выбору, исправительно-трудовых колоний. Главк внутренним приказом подтвердил решение насчёт двух Железноводских колоний, входящих в состав объединения Усть-железноводсклага.

Реализация проекта началась. В Южную и Северную зоны перевели профильных заключённых из других ИТК, базирующихся вдоль железной дороги. Подбирали их с примерно одинаковым временем выхода на свободу, с разницей не более двух месяцев. При таком подборе контингента был шанс за полгода до окончания срока перевести весь контингент колонистов на вольное поселение.

В претенденты на освобождение попали: отказники вступать в колхоз, военные с «длинным языком», нарушители трудовой дисциплины, недобитые враги народа, упорно не желающие примыкать к сплочённому строю верных строителей коммунизма.

Перечисленные категории эков – люди, не чужающиеся труда и, в большинстве своём, сохранившие в неволе честь и достоинство.

Первой под ликвидацию попала Южная центральная исправительно-трудовая колония, забор которой соседствует с партийно-советскими управленческими зданиями. По понятным соображениям партийному и советскому руководству хочется поскорее избавиться от неудобного соседства. А ещё есть горячее желание расширить свои полномочия через приток новых рабочих рук, увеличение численности населения.

Желание подкрепляется инициативой НКВД.

Заключённых перевели на вольное поселение, предоставили жильё в бараках колонии и в её структурных подразделениях. Выдали новым гражданам, причитающиеся им деньги, заработанные при перековке эка, в советского человека, верного помощника партии.

На общем собрании был создан штаб. Руководителем штаба перестройки зоны в жилой массив единогласно выбрали Павлова Михаила Гавриловича, который пользуется у контингента чёрных телогреек непререкаемым авторитетом и уважением. Павлова ценят за ум и бескорыстный труд, а больше всего за честность.

Первое его распоряжение в роли внутреннего руководителя зоны было таким:

– Воскресенье – день отдыха.

Павлов попросил у членов штаба время на решение организационных вопросов и разработку плана предстоящей перестройки.

Новые поселенцы день отдыха тоже провели с пользой для себя. Не удержались и взялись распределять площади под жильё. Хозяева жилья записались в ремонтные бригады. Переоборудовать помещения общего пользования в жилые комнаты бригадой намного легче, чем поодиночке.

С понедельника приступили к разбивке комнат, обшивке стен фанерой. Раньше с холодом и продуваемыми стенами мирились, теперь нельзя – свое жильё, не общее, необходимо утеплять.

Освобождённые досрочно, мужчины трудятся не просто на совесть – из «шкуры» вон лезут. Впервые за долгие годы в неволе трудятся на себя, а не на «хозяина». Энтузиазм подогрет событием, которого они и в дурных мыслях не могли представить! Командование охранной части внутренних войск убрало часовых, сторожевых собак и раскрыло ворота.

Вот она, долгожданная свобода, ходи, куда душа пожелает!

Бывшие колонисты выкраивают время полюбоваться на вышки без часовых, настезь раскрытые ворота и периметр забора без охраны. Робко выходят за ворота, ожидая окрика.

Никто не кричит, собаки не лают.

День раскрытых ворот стал настоящим праздником для нескольких тысяч человек, получивших долгожданную свободу.

В раскрытую зону пришли работники отдела кадров десятой дистанции пути. Открыт приём на работу. Трудящийся люд пишет заявления на имя Передерия, бывшего заключённого, восстановленного в партии и ставшего начальником дистанции пути. Оформляются трудовые книжки.

Часы отсчитывают новое время. Заступившие на смену специалисты, трудятся на прежних рабочих местах, но уже не с презрительной кличкой зэк, а с уважительным обращением, к примеру, Николай Анисович, позже ставший Камбалой из-за отсутствия одного глаза.

Рабочие и служащие свободные от профессиональных обязанностей в десятой дистанции пути переделывают бараки под жильё.

Каждый день в новой комнате какого-нибудь барака поют «Шумел камыш»... Новые хозяева отмечают новоселье в переоборудованных бараках, в освободившихся управленческих комнатах и подсобных хозяйственных помещениях, в опустевших солдатских и офицерских казармах, военных комплексах.

Справляют свадьбы.

Население, узнав о ликвидации зоны, массово ломанулось снимать проволоку и столбы – в личном хозяйстве пригодятся. Колючка и столбы нужны для ограждения собственных маленьких земельных участков, используемых под огороды. Советская Россия – страна частоколов, оград, заборов. Страна закрытого личного мира.

Русскому человеку легче переносить вынужденную неволю, поскольку он давно привык жить за изгородью.

Новые поселенцы тоже не остались в стороне. Приняли самое активное участие в уборке ограждения. Проволока нужна новым хозяевам для отбивки границ собственных участков под картофель. Если в семье есть картофель, то никакие невзгоды советским людям не страшны. Картофель не одно поколение людей выручал в тяжелые предвоенные и военные годы. Жалко, очень жалко, что нет памятника этому клубню. Вот уж он, точно, заслужил всенародную любовь и славу.

Деловой люд уважает картофель. Человек с чувством глубокой гордости, чтобы не быть ни от кого зависимым, начинает хозяйствовать именно с посадки картофеля.

Две недели потребовалось на то, чтобы от забора не осталось следа, будто его никогда и не было: утащили проволоку и столбы, разобрали вышки. Ворота пионеры унесли на металлолом.

Номерные дороги колонии получили названия. Колонисты, ходившие с номером на спине, жившие в номерном бараке, маршировавшие строем по номерной дороге, неожиданно стали жителями улиц с красивыми социалистическими названиями. Дорога номер один переименована в улицу Дзержинскую; номер два – в Коммунистическую. В посёлке появились: Пионерская, Комсомольская, Октябрьская, Рабочая улицы. Нельзя в советское время существовать поселку без таких улиц. Зря, что ли десятки тысяч людей в Железно-

водске, многими тяжкими годами исправлялись трудом? Получали трудовое воспитание в государственном учреждении под лай овчарок?

Государство содержало преступников: кормило, обувало, одевало, и кое-что платило. А содержание охраны, в какую копеечку обходилось? Они об этом не думают? Пусть спасибо скажут, что за ними государство ухаживало!

Перековка человека с буржуазным уклоном в советского товарища не должна пропасть даром, забыться. В памяти нового человека необходимо закрепить коммунистическую символику, к которой по праву следует отнести названия улиц с определённым смыслом.

И хотя власть считается народной, куда входят и крестьяне, но улицы Крестьянской в посёлке нет. Нет партизан, но улица Партизанская появилась. А поскольку власть в Союзе всё же принадлежит победившему пролетариату, то без Рабочей улицы людям жить неудобно.

Вслед за зоной стали получать названия новые улицы и в жилых массивах, которые раньше назывались «Шанхаем». Параллельно Партизанской по болоту пролегла улица Болотная с глубокими лужами и липкой глиной. Улица Болотная красуется новыми домами. Застроили улицу быстро, в течение месяца. Трудились, ударно, не считаясь со временем.

На Болотной улице, на фундаменте из пропитанных озокеритом шпал, собраны аккуратные финские домики. Они из двух подъездов, щитовые, сборно-разборные. Зимой натопить невозможно – стены промерзают насквозь.

Финны передали комплекты этих домов в счёт погашения долга. Отдали по принципу: «Нате вам, боже, что нам не подходит по зимним условиям».

Жители Болотной большую часть времени ходят по улице в резиновых сапогах, зимой в валенках.

Улицу Партизанскую соединяет с Болотной улица Лесная, продолжение которой смыкается с ответвлением Рабочей. С Рабочей улицы нетрудно попасть в центр посёлка. Нужно лишь пересечь железнодорожный переезд, перед которым стоит предупреждающий щит: «Выйдись поездысь», что в переводе с коми означает «Берегись поезда»! За переездом идёшь мимо родника с холодной чистой водой, поселковой кирпичной бани, фотоателье и попадаешь на Дзержинскую.

Дзержинская насквозь прошивает Южный район, на севере упираясь в ворота Северной ИТК.

За Домом культуры Октябрьский переулок тоже недавно застроили финскими домиками. Сюда, в центр посёлка, заселили инженерно-технических работников механического завода.

Вдоль совхозных полей пролегла улица Полевая. За домиками Полевой улицы видны ограда и вышки Сельскохозяйственной женской колонии, в которой отбывает срок Костромина с маленькой дочкой Милкой.

После ликвидации Южной зоны, зэки получили свободу, но большинство осталось жить в пределах территории колонии с родными кровососущими, не боящимися сорокаградусного мороза. Продолжили работать в ПЧ-10.

Лагерный магазин, Дом культуры, ремстройучасток, кузня, солдатская столовая, поля сельскохозяйственного назначения, пекарня, пожарная часть Южной колонии перешли под юрисдикцию партийных и советских органов посёлка.

Неуверенно, с выученной опаской, новые поселенцы потянулись в некогда родной, эковский Дом Культуры, ныне получивший районный статус, двухэтажный с деревянными квадратными сталинскими колоннами. Повторить путь, пройденный первыми смельчаками, было довольно желающих, особенно среди молодежи.

Бывшие узники лагеря смотрят кино рядом с бывшими офицерами охраны, а на танцах, женщины, обслуживавшие зону, приглашают мужчин, недавно скинувших черную робу.

Вольнонаёмные жители, так или иначе, имели или имеют дело с зонами. И те и другие с трудом, пересиливая себя, смирились со злой волей государства и знают не понаслышке, как реализуется житейская мудрость: «От тюрьмы и прочего... не зарекайся». Сегодня ты зэк, ничтожество, я над тобой властвую, завтра я – ничтожество, ты начальствуешь надо мной и припоминаешь мне прошлое с лихвой, возвращая долг. Мудрые начальники давно поняли, что в общении с зэками лучше не перегибать палку.

К большому сожалению, среди умных руководителей мудрых единицы.

Мудрым тяжелей.

В Железноводске люди, отсидевшие срок, и не сидевшие в зоне, ходят по одной уголовно-процессуальной тропе, которая называется УПК. На опыте убедились: навредишь другому, навредишь себе.

Эксперимент удался на все сто процентов. Такого успеха не ожидали, даже прожженные, переставшие чему бы то ни было удивляться чекисты. Разумным, своевременным приказом республиканское управление перемешало в Железноводске вольных жителей и бывших зэков, уравнивая их в доле свободы. Начался невиданный до сих пор трудовой подъём, всплеск надежды людей на счастливую жизнь. Каждый вечер в посёлке играют свадьбы. Молодые, и не очень, торопятся жить... пока власть разрешает.

На организационные и практические мероприятия по ликвидации Южной центральной зоны и закреплению на «вольной земле» новых поселенцев, ушёл год. На очереди закрытие Северной зоны.

В Воркуту тащился эшелон теплушек с осуждёнными. Везли бывших военнопленных, освобождённых из немецких концлагерей, не прошедших испытание на лояльность советской власти. Везли из других лагерей зэков, получившие добавочные сроки. Вместе с ними под конвоем везли бывших полицейских, пособников врагу...

Везли бывших крестьян, которые не хотели возвращаться на Родину в ненавистные колхозы. Победители Гитлера ждали от своего правительства разрешения на частное предпринимательство. Победители всерьёз надеялись, что своей кровью заслужили право на частную собственность и ждали от власти поправок на труд... И отмены колхозов. Развязали победители языки, насмотревшись всяких Болгарий и Венгрий с процветающим правом владеть собственностью.

Чекисты не только гражданским, но и военным людям, научились языки укорачивать.

Короткая остановка в Железноводске. От станции до железнодорожного моста не больше километра, а от моста до вагонного депо и северной зоны и того меньше. Не доезжая до моста, несколько уголовников смогли вскрыть вагон. Забрались на крышу, разоружили охрану, находившуюся в тамбуре. Двое лихих людей по крышам добрались до паровоза и силой оружия заставили машиниста остановить поезд.

Освободив из вагонов «товарищей», вооружённая толпа направилась к северной зоне бить ссученных, с которыми уголовники имели «честь» встречаться в других колониях. Уголовники снесли хлипкие проволочные ворота, ворвались в зону, заскочили в бараки и стали расстреливать заключённых.

Появились раненые и убитые. Убитых много. Местные зэки, вооружившись подручными средствами, забаррикадировались в бараках, ожидая помощи извне.

Местные власти быстро среагировали. Подняли по тревоге батальон НКВД и вызвали войска НКВД из охранных подразделений береговых зон Южного района. Зону обложили пулеметами. Стреляли во всё, что движется, что не легло на землю. Под раздачу попали и правые, и виноватые. Погибли люди, не успевшие вовремя лечь лицом вниз.

Нападавших уголовников, кого не убили, арестовали. Тех, кто не поддавался на уговоры, и не пошёл бить северную зону, отправили к месту назначения. Убитых закопали в общей

могиле за территорией, метрах в пяти от ограждения. Хоронили ночью, чтобы не видели местные жители. Место погребения тщательно замаскировали.

В зону вошла следственная бригада, началась крупномасштабная проверка. Полетели головы руководящего состава колонии. Были опрошены сотни человек, но как ни старались следователи, так и не смогли докопаться до истины, узнать, что послужило причиной побоища между колонистами северной зоны и осуждёнными из эшелона. Тем не менее, более пятидесяти человек получили дополнительные сроки. Осуждённых раскидали по другим лагерям.

Убийство заключённых напугало, в том числе, и республиканское руководство. Главк долго не решался вернуться к первоначальному плану. В конце концов, здравый смысл взял верх, и НКВД республики решило вернуться к вопросу ликвидации Северной колонии. Назначили день реорганизации.

В Северной зоне отбывает срок Костромин. Он, как и остальные его товарищи по несчастью, доставлен в Железноводск в первом товарном эшелоне. Станции как таковой ещё не было, как не было и готовых бараков. Осуждённых просто выбросили в хвойном лесу.

Построившись в колонну по четыре, двинулись на север. Вброд перешли Северную Кытловку и на возвышенности, расчистив территорию от деревьев, построили бараки Северной НТК, где и провели долгие годы.

Мужчин выбросили в летнее время. На их долю выпало меньше испытаний, чем осуждённым других эшелонов, которых привезли зимой.

Вырубив деревья, заключённые перестали быть пищей для комаров и гнуса. Жизнь осуждённых начинала налаживаться, стала более или менее человеческой.

В день побоища Костромин отработывал смену в вагонном депо, и ему не попало ни от уголовников, ни от солдат охраны. Беда обошла мужчину стороной.

В ночь перед ликвидацией зоны, ээки не смогли заснуть. Какой тут сон? Хотя сидельцы знают о результатах ликвидации Южной зоны, однако верить боятся. Не надеются на свою боду до последнего.

Утром поднялись, без привычного принуждения.

Глазам не поверили: охранение зоны снято. Значит, не обманули, сделали, как и обещали, открывают колонию.

Партийная и советская власть в посёлке пошла по проторенному пути. Реорганизацию Северной колонии начали с переименования номерных дорог. Северный район находится по сути дела на периферии посёлка. Потому Северной территории хватило скромных названий. Дороги номер два и три стали улицами с именами известных, но не главных, командиров гражданской войны Чапаева и Фрунзе. Дороги, проходившие недалеко от аэродрома, получили названия Авиационная и улица Пилотов. В бывшей колонии появились две улицы, названные в честь столиц самых больших по территории Союзных республик: Минской и Киевской. На южной окраине небольшие дороги, примыкающие к крутому берегу реки, получили соответствующие названия: Сосновая, Прибрежная, Речная... Что на ум слушающим райисполкома пришло, так и назвали – Северному району сойдёт.

Повезло дороге номер один. По примеру Южного района её назвали улицей Дзержинской. Новый отрезок Дзержинской соединили с южным отрезком, продлив до свинарника. Свинарник стал главным ориентиром, точкой отсчёта начала посёлка, а улица Дзержинская соединила Железноводск воедино, стала транспортной артерией.

Главную поселковую улицу символично начинать от свинарника, а заканчивать восьмым отделением российских немцев. Но кто об этом во властных структурах думает? Не до того! Руководство торопится быстрее избавиться от беспокойного коллектива, разбросав его по отдельным комнатам – ячейкам.

Раскрытие зоны доставило много хлопот и жителям, и властным структурам на местах.

Благодаря ликвидации Северной зоны посёлок разом получил в собственность огромные мощности: свинарник, коровник, пекарню, клуб железнодорожного депо, продовольственный магазин...

Железнодорожное вагонное депо со всем его хозяйством перешло под юрисдикцию посёлка. Сельхозполя Северной колонии по примеру Южной отошли совхозу.

Всю недвижимость зоны следовало осмотреть, переписать, принять по акту...

В Северном районе жителей не так уж много, тысяч пять – шесть и местные жители знают практически всех, если не по фамилии, то по внешности и месту работы уж точно. Знакомству людей способствуют совместный труд на одном предприятии, то, что заготавливаются продуктами в одних магазинах.

Молодёжь Северного ходит в деповский одноэтажный с тесовой крышей клуб, где по вечерам в рабочие дни, и днем, по выходным, крутят кино, а в субботние и воскресные вечера устраивают танцы. Кино и танцы посещают солдаты и офицеры батальона НКВД, офицеры военных кинологов, солдаты срочной службы внутренних войск, пилоты гражданской авиации.

Казармы, полигон кинологов и вольеры овчарок, после ликвидации зоны, остались на прежнем месте, поскольку воинские подразделения обслуживают не один куст лагерей Железноводска, а всё управление Устьжелезноводсклага.

Летчики гражданской авиации, облюбовали жильё на улице Пилотов в одноэтажном общежитии недалеко от аэропорта. Приходят в клуб в красивых кожаных куртках. Фуражки для большего шика лихо заломлены на затылке. Красавцы летчики резко отличаются от гражданских, у которых модной одеждой считается черная телогрейка, подогнанная в талию. Девушки устраивают настоящую охоту на мужчин из летного состава. Их не смущают допотопные самолёты, на которых те летают. А летают парни не на современных самолётах, а на раритетах: ПО-2, Ил-2, Ли-2, АН-2, ласково прозванных «тарактелками».

Выбор женихов у заневестившихся женщин Северного района имеется богатый, на любую претензию. В Северном районе выросло число свадеб. И, как следствие, быстро увеличилось число детей. К местной детворе добавились дети из четвёртой женской колонии. Среди прибывших милая девочка Милка Костромина по злой воле государства ставшая жительницей Северного района.

Появление Милки на Севере связано с историей прибытия несколько лет назад на глухой разъезд женского эшелона. Разъезд недалеко от Железноводска не имел названия. И это был не первый эшелон, прибывший в данный район.

Это было суровое время, время заполнения Севера исправительно-трудовыми колониями, и, соответственно, дешёвой рабочей силой. Контингент колоний предназначался исключительно для строительства и обслуживания Северной железной дороги. В посёлке на строительстве «железки» уже во всю мощь вкалывают заключённые первой, второй, третьей, Южной центральной, Северной ИТК и восьмое отделение немецких переселенцев.

Центральной колонией ограничивается территория Южного посёлка. За ЦИТК простирается не тронутый человеком хвойный лес, больше похожий на дикую чащу.

Массив хвойного леса в сторону моста Выми разрывается. В этом разрыве спрятались поселения поволжских немцев. От Южной зоны до немецкого отделения восемь километров тайги.

Женский эшелон, с «членами семей уже осуждённых граждан» остановился январским морозным днём, не дотянув до станции «Железноводск» несколько километров. Солдаты открыли вагоны. Крики, мат охранников:

– Выгружайся...

Женщины, большинство с детьми, оторопели. Куда выгружаться? С обеих сторон дороги стеной стоит мрачный зимний хвойный лес. Снег в лесу лежит выше уровня железнодорожного полотна. Страшно прыгать с ребёнком, а то и двумя, в стильную белизну.

В вагоны вскарабкались солдаты, и силой стали выпихивать женщин. Густая матерщина, крики женщин, плач детей – всё смешалось. Женщины, выброшенные из вагонов последними, падают на кучу не успевших быстро встать на ноги и отойти. Те, кто лежит наверху, задавливают нижних. У придавленных людей лица и руки в снегу. Снег набился под одежду. На снег женщины не обращают внимания. Главное сохранить детей – не дать им задохнуться.

Костромина упёрлась руками в лежащую под ней женщину, защищая ребёнка, не позволяя задавить девочку массой тел. Костроминой повезло. Попала не в середину «кучи малы», а немного сбоку. Выбралась и отошла с ребёнком в глубокий снег.

Женщины с трудом поднимаются.

Холодно детям. Дети ревут.

Холодно матерям. Матери плачут.

Холодно солдатам. Солдаты матерятся.

Из двух последних вагонов они выкинули в снег подручный инструмент: топоры, двуручные пилы, лопаты, ломы, кирки.

Разобрали орудия труда. Солдаты сбили женщин в подобие колонны и заставили тронуться в путь.

Пройдя лесом три километра, колонну остановили, разрешили нарубить лапника. Толстым слоем лапник накидали под ветками огромных хвойных деревьев, соорудив детям подобие постелей. Уложили их на лапник, накрыли тряпьем, сверху ещё набросали лапника, чтобы чадо не замерзло.

Охрана повела небольшие группы женщин вглубь леса собирать сушняк, рубить сухие лесины.

Развели большие костры. Вначале солдатам, затем себе рядом с детскими лежанками. Дети хотя и укрыты, но при морозе минус двадцать тепло костра им не помешает. Не хочется, чтобы они замёрзли и заболели – срабатывает материнский инстинкт. Да и самим матерям не мешает посидеть у костра, обсушить одежду. А лучше бы – поесть и детей покормить!

Через два часа к месту выгрузки прибыла мотодрезна: привезла хлеб. Группа женщин по протоптанной дороге под конвоем солдат сходила за хлебом.

Поели, покормили детей. Попили горячей воды. Воду из снега накипятили в солдатских котелках.

Зимний день короткий. Охрана торопится, подгоняет женщин, чтобы они до сумерек успели построить солдатам шалаши.

Себе шалаши женщины возводят в темноте при свете больших костров. Утром измученных, не столько работой, сколько тяжёлым сном, разбив по бригадам, повели возводить забор: вкапывать в землю столбы, натягивать колючку.

Работают все, даже четырнадцатилетние дети. Работают те, кто ночью не замёрз, не умер, кто в состоянии ходить. Одни валят деревья, пилят, ошкуривают. Другие носят столбы к месту, где будет забор. Третьи – отогревают кострами землю. На месте костров копают ямы под столбы.

Четвёртой бригаде досталась самая почётная работа, которой заключённые вправе гордиться – натягивать колючую проволоку, чтобы за ней остаться на несколько лет, вычеркнув эти годы из жизни. Костромина попала в бригаду «колючей проволоки», как прозвали её солдаты.

Женщины строят лагерь заключённых, лагерь для себя. В короткие минуты отдыха бегают кормить детей.

Детей, подобных Милке, в женском эшелоне прибыло много. Не все они смогли выжить в суровую зиму. Сколько их «детей хороших, лежать осталось в темноте и холоде», могут рассказать матери, дожившие до освобождения.

Милка в зимнем лесу не только не заболела, но даже ни разу не чихнула от холода.

Выдержавшие зиму матери стали строителями, сельскохозяйственными рабочими. Их женскими руками возведена полноценная семейная зона с детским садиком внутри. Построены бараки, клуб, котельная, медсанчасть; разработаны поля под сельскохозяйственные культуры.

Подросшие дети, выжившие в суровых условиях зимы, на вытоптанной площадке играют в классики. Развлекают себя, пока матери трудятся.

Женщины обживают бараки. Возводят новые. Строят, строят, строят! Разрабатывают поля. Сеют, сажают, снимают урожай. И нет конца и края этому безумному труду, труду подневольному.

Но всё когда-то кончается.

Подходит к завершению строительство женской колонии, близится к окончанию разработка последних полей. И началось долгожданное освобождение женщин зимнего эшелона, женщин героев.

Первыми освобождают матерей с маленькими детьми – небольшими партиями в соответствии с порядковым номером барака. Расселяют на Северном. Заполняют любые закутки, имеющие подобие крыши.

Пять лет Костромина и маленькая Милка провели за колючей проволокой под охраной вооруженных солдат. Голодали, терпели холод, неустройство.

И выжили.

Бывают чудеса не только в решетке, но и в жизни. На свободе встретила семья Костроминых. Мать и отец Милки освободились с разницей в семь дней. Так и не смогла жена объяснить мужу, за что ей выпала такая тяжкая доля. Её, как и других подруг по эшелону, не судили, осужденными они не считались, но жили за колючей проволокой под охраной, как осуждённые.

Зону, построенную ими, назвали сельскохозяйственной, и передали женской колонии, рассчитанной на шесть тысяч человек с криминальным прошлым.

Судьба играет людьми.

Милка родилась незадолго до ареста матери. Родилась после того, как Костромина съездила на свидание к мужу в Железноводск, куда вскоре доставили и её саму с дочерью. По непонятному капризу руководства колонии письма Костроминой не доходили до мужа. И сама она не получала от него весточек.

При освобождении ей вернули пачку писем: его и её. По какой причине приходящие письма не вручали, а её – не отсылали? – никто не стал объяснять. Многого захотела!

Костромин, бывший артист одного из Ленинградских театров, ко времени освобождения жены несколько лет проработал разнорабочим на прокладке железной дороги, а последние два года слесарил в железнодорожном депо. После ликвидации зоны остался трудиться на прежнем месте. Костромина тоже устроилась в депо, чтобы быть к мужу поближе. Милка живёт с родителями в старом бараке, коротая вечера с тряпичными куклами, пошитыми матерью. Куклы красивые, девочка счастлива.

Через год после ликвидации Северной зоны Мила пошла в первый класс. В школе расцвела. Родители прочат ей большое будущее.

– Будет дочка артисткой, пойдёт по моим стопам, – говорит друзьям и знакомым Костромин. – Уже сейчас у неё проглядывают мои стати: ротик, носик, глазки. И характер мой. Точно: быть ей артисткой!

Растёт и расширяется Северный.

Ещё быстрее растёт и расширяется Южный.

Население Железноводска за два года увеличилось примерно в два раза. Прибавка составила около пятнадцати тысяч. Все новые жители – трудоспособного возраста.

Виден положительный результат реорганизации двух мужских и одной женской колоний. Как-то незаметно вышли на свободу женщины четвёртой колонии, разбавив мужской контингент посёлка.

План по переводу эков в полноценное население перевыполнен. Стайки детей резвятся на дорогах. Полюбилась им широкая сухая Дзержинская улица. Еще не до конца исчезли газогенераторные полуторки, а по Дзержинской уже покатали шустрые велосипедисты. За каждым велосипедом бежит толпа пацанят: вдруг, посчастливится, дадут прокатиться?

Число жителей в посёлке, особенно в Южном районе, прибавляется и прибавляется. Увеличивается не только за счет рождения детей в недавно созданных семьях, но и за счёт выхода из лагерей тех, кто отсидел срок. Освобождаются баптисты, иеговисты, пятидесятники, сотники, украинские бандеровцы, прибалтийские зелёные братья, уголовники и мошенники.

Их тысячи и тысячи.

Большинство, закончивших «париться» в зоне, правдами и неправдами устраиваются к «друзьям» на Северный – подальше от милиции, от освещённых по вечерам улиц Южного.

Трудягам нужна работа, требуется жильё. Асоциальным элементам: уголовникам и мошенникам, презирующим труд, нужна свобода. Под свободой подразумеваются бабы, водка... игра в карты... И поножовщина.

Вечерами в Северном районе, за исключением коротких летних светлых суток, темно. Электрические лампочки на фонарных столбах разбиты. Всё же Милка безбоязненно ходит темными вечерами из школы. Никто ей не говорил о кодексе чести, но она знает, что ее не тронут. Кодекс чести пока ещё действует. По негласному закону среди уголовников принято оберегать детей. Ни один даже самый пьяный отморозок не тронет ребенка. Ещё никто не знает слова педофил. Безопасность ребёнка свята для всех социальных и асоциальных групп населения. Есть и другие правила, соблюдаемые местечковыми хулиганами. Например, ногами не бить, упавших на землю не добивать! Драться исключительно руками и бить кулаками.

Ноги использовать запрещено.

Урода, обидевшего ребёнка, накажут свои же поделщики. Потому ходит Милка вечерами свободно. Иногда заходит в клуб поглазеть на танцующую молодежь. Растет девочка. Завидно ей. Жаль, что не дотягивает годами для танцулек. Как говорит мать:

– Рано тебе ходить на танцульки: "хотелка" не выросла. Вначале отучись; школу закончи, тогда танцуй!

В комнатах ветхих бараков за окнами, прикрытыми занавеской только до середины, идет бурная жизнь. Расцветают пьянство, игра в карты на интерес. По условию игры проигравшему предстоит выйти на улицу и зарезать встретившегося человека. На несчастье Милки её родители возвращались домой поздно вечером. На их месте могли быть другие люди, но встретились с убийцей именно они.

Надо же такому случиться! Зону выдержали, а на воле, когда все беды, казалось, позади, погибли.

Убийца не прятался. Утром, на следующий день, не успевшего протрезветь парня, арестовали. Но разве Милке от этого легче? Детского дома в посёлке нет.

Осталась девочка одна.

Выкарабкивайся сама, как-нибудь выживешь!

Пропала бы девочка, если бы не огород и запасы продуктов. Летом, не покладая рук, трудится на огороде, благодаря чему у неё на столе всегда есть картофель, морковь, капуста...

Родители, как большинство оттрубивших срок, в государственную стабильность не верят, потому закупают продукты впрок. Если подворачивается возможность, то из магазина мешками тащат в дом сахарный песок, крупу, горох...

Родители Милки сделали запасы. Запасов хватает.

Не оставила девочку без присмотра родственница тётя Настя, живущая на Южном. Тётя взяла на себя заботу о девочке – подкидывает денег. Хотела забрать её к себе, но Мила отказалась.

Мила учиться без двоек.

Она проучилась в шестом классе чуть больше полугода, когда её потрясло известие: умер Сталин. После звонка в класс вошла классная руководительница. Остановилась у окна. Долго молча смотрела на улицу.

Что она там увидела? Сломанную судьбу мужа и собственную жизнь? Скитание по лагерям? Вместо Москвы работа в дальнем Северном посёлке учителем математики в школе-семилетке?

Повернулась к детям, тихо произнесла:

– Умер товарищ Сталин. Сегодня уроки отменяются. Идите домой.

Милка возвращается домой по притихшему посёлку. Всегда такая оживлённая Дзержинская улица, сегодня не похожа на трудовую улицу. Не только людей не видно, но и машин.

Пошла посмотреть Южный район.

На здании райкома висит флаг с чёрной лентой. Вечером сходила в кино. Со следующего дня занятия пошли обычным порядком.

Ремонтно-строительный участок бывшей Южной колонии преобразован в районную ремонтно-строительную контору. Павлов Михаил Гаврилович возглавил предприятие. Силами конторы он развернул мощное жилищное строительство в конце посёлка, продлевая улицу Пионерскую, а также в Октябрьском переулке, на Полевой. С этих улиц началось преобразование лагерного посёлка в современный, в котором можно с комфортом жить.

Павлов старается реализовать давнюю мечту, которую лелеял, пока отбывал срок в лагере: ликвидировать бараки. Ненавидел бараки больше чем урок. С местными урками можно бороться и договариваться. А бараки безмолвны, с ними не договоришься, с ними необходимо бороться бескомпромиссно, на уничтожение.

Нет человека в Железноводске, который бы не знал Павлова! Павлов первая знаменитость посёлка. Вторая – всем известный человек и уникальная личность Южного Железноводска: китаец Ваня-Ваня. Павлов и Ваня-Ваня более известны, чем первый секретарь райкома партии Чупраков.

Ваня-Ваня появился на рынке, сразу после ликвидации ЮЦИТК. За что его посадили в колонию Северного края, почему он оказался в зоне один, без соплеменников, не мог внятно объяснить. Русский язык, за время заключения, так до конца и не осилил.

Когда спрашивают:

– Ваня-Ваня, ты из Китая?

Уверенно отвечает:

– Ваня-Ваня китаец.

– За что посадили?

– Ваня-Ваня не знает! Совсем большой поезд привёз из Маньчжурии. Ваня-Ваня сидел, жену нашёл! Бери лук, бери редиска, вкусна...

– Лук у тебя очень уж большой, говном поливал?

– Ваня-Ваня лук не поливал, удобрял навозом человека...

Освободившись, Ваня-Ваня женился на местной уроженке. Два одиноких, обездоленных человека органически подошли друг к другу по менталитету. Женившись, Ваня-Ваня поселился в домике жены. Свободное пространство на полу заставил ящиками с землёй. Всё дневное и вечернее время посвящает домашнему огороду. Ранней весной снимает первый урожай и выходит торговать.

Берут нарасхват – обыватели за зиму соскучились по зелени.

Будучи человеком предприимчивым, Ваня-Ваня построил длинный узкий стол на площади перед двумя продовольственными магазинами, в самом оживлённом месте, и, начиная с марта месяца, раскладывал на нём свой урожай: зелёный лук, редиску, чеснок, укроп. Март, апрель и май – одиночные месяцы Вани-Вани.

В разгар лета к нему присоединяются другие торговцы, ставят рядом со столом Вани-Вани ещё несколько столов.

Бойкое торговое место китайца жители прозвали рынком. В сезон сбора ягод и грибов пожилые женщины пристраиваются там с дарами леса: черникой, голубикой, брусникой, клюквой.

С началом осени, здесь же, по сходной цене, можно затовариться картофелем, капустой, солёными грибами.

Райисполком посчитал, что стихийный рынок портит вид площади двух продовольственных магазинов, один из которых – «Лагерный». Стихийный рынок не даёт начальству покоя. Несколько раз столы убрали. Они появлялись вновь. Расклеивали на столбах объявления о запрете торговли – не помогает! На месте «рынка» вырыли котлован под строительство ресторана. И чтобы совсем отбить желание торговать вблизи магазинов, в конце посёлка, не доходя двухсот метров до кладбища, построили «Народный рынок» (НР). Он по меркам посёлка большой: шесть длинных рядов, столы, защищенные от непогоды крышей. Как в приличных городах, рынок построен вместе с конторой.

В конторе за рубль любой гражданин может купить себе торговое место. С другой стороны конторы две комнаты отведены для санитарного контроля мяса забитой «животины» и птицы; овощей и ягод...

С уничтожением на площади столов, Ваня – Ваня пропал. Одновременно с ним пропала жена.

В это время маньчжурским китайцам правительство Союза разрешило вернуться на Родину.

Первыми об указах узнали в зоне. Из зоны известия поступают в посёлок, становясь достоянием жителей. Узнав об указе, жители посёлка решили, что Ваня-Ваня уехал в Китай, забрав жену.

Может такое быть? Вполне!

Через непродолжительное время поползли слухи, что китайца с женой убили из-за денег.

Из зон массово выпускают сидельцев. Кого амнистируют, кого выпускают в связи с окончанием срока наказания. Больше всего вышло на волю из третьей колонии. Освободившиеся зэки прослышали, что Ваня-Ваня богат, и решили попользоваться его деньгами. Совершили налёт на дом, хозяев убили.

В это можно поверить. Поскольку примерно в это же время налёты были сделаны и на другие дома.

В два часа ночи трое отморожков позвонили в дверь. Хозяин не стал открывать. Вооружённые топорами, не боясь соседей, уголовники принялись вырубать дверь веранды, чтобы войти в дом Теплова Ивана. Перепугали в доме всю семью. Пелагея Максимовна трясётся:

– Ой, Ваня, убьют нас! Ой, Ваня, покричи соседям!

У отца Кости в доме два ружья: одностволка и двустволка. Стрелять? Наделаешь шума, придётся иметь дело с милицией. А связавшись с милицией, не знаешь, как в дальнейшем дело повернётся!

Телефона в доме нет, до соседей не достучишься.

Иван вспомнил боевые тренировки в Резервной Армии в войну. Старшина взвода учил солдат использовать сапёрную лопатку в качестве оружия.

Иван Михайлович вооружился штыковой лопатой, стоявшей в углу, с лезвием, наточенным до бритвенной остроты.

Теплов с силой распахнул дверь и резко с оттяжкой ударил первого нападавшего штыком. Получивший удар мужик, в горячке бросился бежать. За ним, забыв про топоры, рванули остальные.

Страх – явление заразное.

Утром на дороге, недалеко от жилья Теплова нашли труп мужчины с разрубленной ключицей.

Убийцу не искали.

В эту же ночь несколько убийств произошло в Северном районе – хозяева не смогли защитить себя. Утром милиция собирала трупы.

Ивану повезло. Защищаясь, он не думал о превышении пределов необходимой обороны, за который дают срок. Тем самым Иван защитил себя и свою семью, а вот Ване-Ване не повезло, как не повезло многим другим.

Дом Вани-Вани осиротел, вначале покосился. Какое-то время постоял, постоял, не дождался хозяев и тихо лёг на землю.

Дома без хозяев умирают как люди.

Народный рынок не прижился, торговля на новом месте не заладилась – далеко ходить от центра. Жители ближайших домов растащили постройку на дрова.

Богатство Железноводского района – лес. Лес рубят, лес пилят, лес сплавляют молевым сплавом и плотами. Неудивительно, что строения в посёлке деревянные. Для нового строительства вырубает ближайшие массивы леса в верховьях Средней и Южной Кылтовок. Новыми домами застраивается центр поселка. Построена средняя школа из трёх двухэтажных зданий. При школе разбит ботанический сад и огород, открыт Дом юннатов. Внутри школьной территории на футбольном поле мальчишки в свободное время гоняют ватный мяч, обшитый материей. Мяч не желает катиться по полю; пинай его, не пинай, толку нет. У южной стенки школьных зданий ребята постарше играют в монетку, жешку, чижика, ножи-чек. Любимая игра девочек – классики.

В новой школе прошли первые выпуски.

На улице Пионерской закладывается Дом пионеров.

Жизнь посёлку даёт главная улица. Улица, посвященная памяти железного Феликса, начиная от свинарника, идёт параллельно железной дороге по Северному району до шоссе-ного моста через Северную Кылтовку. От моста фугачит напрямик через центр Южного района, минует первое, второе, третье НТК, кладбище, и заканчивается восьмым отделением.

Каждая зона, с прилегающими к ней частными домами, образует совместное поселение называемое отделением. Исходя из этого, люди привыкли считать, что в посёлке нет ИТК, а есть первое, второе, третье отделения, четвертое отделение совхоза. На особицу расположено восьмое отделение с компактным проживанием поволжских немцев. Между третьим и восьмым отделениями оставлен участок леса, где предполагалось разместить пятую, шестую и седьмую колонии, но что – то не срослось. За восьмым отделением улица Дзержинская переходит в междугородную трассу, ведущую к столице республики.

По Дзержинской пустили старенький автобус, который в пути всё жалуется пассажирам на свою старческую немощ. Хоть и скрипит транспорт всеми своими сочленениями,

но главное, движется. Пассажиры Родиной не избалованы, рады и такому автобусу, здраво рассуждая, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

В автобусе ездить безопасно, благодаря кондуктору Марусе. Маруся весит сто восемьдесят килограмм. Любого хулигана выкидывает из автобуса одной левой.

Связываться с Марусей желающих не находится.

Пассажирский транспорт тоненькой ниткой соединил поселок воедино. Всего полчаса требуется на то, чтобы пересечь посёлок из конца в конец.

Улица Дзержинская стала главной благодаря тому, что все более или менее значимые государственные здания, учреждения и предприятия построены вблизи этой улицы.

В Северном районе к главной улице, кроме свинарника, прилепились: нефтебаза, обслуживающая аэродром; продовольственный и промтоварный магазинчики, железнодорожное депо и двухэтажная семилетняя школа. В Южном, вдоль Дзержинской, компактно расположились: художественная мастерская десятой дистанции пути, кирпичная поселковая баня (конец Рабочей), райком партии и комсомола; райисполком, дом прокуратуры и народных судей, почта, военкомат, двухэтажное здание управления ПЧ-10, гостиница на восемь номеров.

Гостиница гордость Павлова. Разрешение на строительство гостиницы Павлов получил благодаря давней дружбе с Чупровым, секретарём райкома. В гостинице две комнаты одноместные, две двухместные и четыре – четырёхместные. Она рассчитана на проживание двадцати двух человек.

В центре посёлка к улице Дзержинской примыкают районная пожарная часть, районный Дом Культуры с бюстом товарища Сталина на постаменте. Бюст отлил в гипсе зэк из Южной зоны, враг народа, осуждённый системой Сталина за шпионаж в пользу Республики Сан Суси, с одноимённой столицей. В прежней счастливой жизни зэк трудился скульптором. Кому, как не ему, поручить такую ответственную работу? Несколько лет бюст стоял на постаменте перед Домом Культуры в Южной центральной зоне. С ликвидацией зоны временно со скульптором, своим создателем, вышел на свободу.

За Домом Культуры среди деревьев сияет вечерними огнями летняя танцплощадка. На танцоров с улицы поглядывают кусты сирени, помогая молодым парам поддерживать праздничное настроение и ореол романтики. Кусты сирени приглашают влюблённых спрятаться в их тени.

Спрятавшись, легко терять невинность.

Танцплощадка работает ежедневно всё лето. Даже дождь не мешает.

Улицу Дзержинскую делают главной не только перечисленные административные и культурные заведения, но и магазины, играющие в жизни людей не последнюю роль: районный, книжный, промтоварный. На Дзержинской на первом этаже двухэтажного здания с утра до восьми вечера работает аптека. Радуют мужчин два пивных ларька: рядом с оградой механического завода и недалеко от аптеки.

В центре посёлка, где Дом Культуры, на улице Дзержинской всегда оживлённо.

На главную улицу выходят ворота механического завода (ЖМЗ). На Дзержинской расположено здание управления Кытловского леспромхоза. Напротив управления блестит большими окнами железнодорожная больница. Метрах в ста за желбольницей среди кустов и деревьев скрыты могилы поселкового кладбища. Недалеко от кладбища за оградой с металлическими воротами расположилась воинская часть связистов. Со стороны главной городской улицы видны витые антенны, натянутые между мачтами.

В конце Дзержинской в восьмом отделении по обеим сторонам улицы огорожены крашеными штакетинами земельные участки, на которых красиво смотрятся ухоженные домики поволжских немцев. Внутри участка непривычно для глаза российского человека выделяются цветочные клумбы... Радуют взор песчаные дорожки, обложенные кирпичом.

Аккуратно уложенные кирпичи побелены известкой.

В центре посёлка, недалеко от улицы Дзержинской на освещенных улицах стоят знаковые здания, известные всем жителям. В Октябрьском переулке в просторных финских домах живут служащие ЖМЗ. На Пионерской улице красуется новыми окнами дом учителей. На Коммунистической улице расположилась милиция. В конце Октябрьской улицы огорожен высоким забором футбольный стадион «Красная Звезда». Футболисты «Красной Звезды» «работают» на ЖМЗ.

На улице Пушкина, в пятидесяти метрах от Дзержинской, большая территория с мрачным баракком отведена под сборный пункт новобранцев. Казарма новобранцев – епархия военного комиссариата Железноводска.

На железнодорожную станцию Южного района прибывают пассажирские поезда и товарные составы.

В Южной части посёлка молодежь, окончив семилетку, имеет возможность учиться дальше. Напротив ЖМЗ через дорогу построено трехэтажное здание профтехучилища. Там получают механические и строительные профессии. После окончания училища ребятам открыты двери на завод.

Недалеко от железнодорожной станции на улице Вокзальной светится большими окнами автовокзал. Автобусом можно доехать до Усть-Выми, расположенной в месте впадения Выми в Вычегду. От Усть-Выми парходом, со шлёпающими по воде широкими шлюпами, можно добраться до столицы Коми – Сыктывкара. Вечером сел на парход, утром причаливаешь к пирсу водного вокзала столицы.

В честь пархода среди жителей гуляет шутка: «Америка России подарила парход. У него труба дымится и ужасно тихий ход». Из столицы плывёшь в два раза быстрее – подгоняет попутное течение.

Столица принимает абитуриентов в образовательные учреждения: пединститут и педучилище; художественное, музыкальное и театральное училища. Пединститут готовит учительские кадры в школы городов, поселков, деревень республики. В некоторых исправительных колониях открыты школы. Там тоже работают учителя с высшим педагогическим образованием.

Принимают в институт со справкой об окончании девяти классов. Что важно – без экзаменов. Предпочтение отдаётся абитуриентам коренной национальности.

С дипломом высшего педагогического образования учительница говорит школьникам: – «Жизнь» Горького.

Ученики поправляют:

– «Жизнь»!

– Я и говорю: «Жизнь», – обижается учительница.

Через три года после смерти Сталина на железную дорогу пришли новые локомотивы. Паровозы заменили тепловозы, они значительно мощнее паровозов и экономичнее.

Одно событие, как за верёвку, тянет за собой другое, выстраивает цепочку событий.

Пришли на железную дорогу тепловозы, и паровозы отправлены на «вечную стоянку» в накопитель одного из городов на СевЖелДоре. Малотоннажные двухосные вагоны перестали устраивать железную дорогу из-за низкой грузоподъёмности. Двухосные вагоны отправили на пенсию. По железной дороге побежали четырёхосные вагоны большей грузоподъёмности, вполне соответствующие мастодонтам-тепловозам.

Новый тяговый транспорт дал толчок стахановскому движению. На Октябрьской железной дороге зародилась инициатива: «Вожделение большегрузных составов». Машинисты принимают повышенные обязательства по увеличению количества вагонов в сцепке. В это движение втянулись все дистанции пути, все железные дороги Советского Союза. Один машинист решил взять на три вагона больше; другой – на пять.

Кто следующий?

Нашёлся смельчак на Северной железной дороге, потянул два порожних состава. Вагоны пустые, тащить легко.

Другой инициатор пошёл ещё дальше.

– Беру большегрузный состав на тягу двумя тепловозами, – сказал партийное слово новатор машинист – коммунист.

– Разрешаем! – с удовольствием поддержало инициативу руководство СевЖелДора. И отпартовало наверх о новом эксперименте.

Эйфория – плохая помощница при практической реализации инициатив. Проблемы возникли со станциями. Северные станции не рассчитаны на приём длинных составов, о чём никто не подумал, увлечшись рационализацией в деле транспортировки вагонов и грузов.

Состав, идущий с севера, не уместится в длину вокзальных путей Железноводска.

Остановка обязательна. Остановка необходима для проверки вагонов солдатами. Проверка заканчивается и машинисту без промедления вручается жезл на дальнейшее движение по маршруту.

В сторону Москвы за мостом Выми длинный подъём к станции Дуська. Два тепловоза не в силах вытянуть на подъёме груженный Интинским углём состав. В помощь из Железноводска отправлен тепловоз – толкач. Толкач на «всех парах» разогнал, толкнул в задний вагон так, что состав выгнуло дугой, и тот слетел под откос. На двое суток движение было парализовано.

Из-за непродуманных действий руководства, на железной дороге начались сбои.

Стахановский пыл чуть поутих и кое-где даже пошёл на убыль. Практика показала, что продолжение эксперимента может быть опасно, способно принести дороге серьёзные убытки. В управлении СевЖелДора приняли решение уменьшить длину составов, идущих порожняком на Север, и вес составов, идущих с Севера, до разумных пределов.

Двойную тягу оставили, увеличив плечо прогона, то есть уменьшили число остановок. Тем самым, уменьшилось время нахождения составов в пути, потребители стали получать продукцию в экономном режиме.

По десятой дистанции пути плечо движения гружёным составам, идущим с севера, продлили до Микуня, с короткой остановкой в Железноводске по требованию НКВД. Остановка нужна для осмотра вагонов солдатами – побегі зэков продолжаютсЯ.

На север составы проскакивают Железноводск без остановки до Сосноборска.

Коллектив Железноводского вагонного депо остался без работы. Ведущих специалистов ЖВД перевели в Сосноборское депо (СВД). Остальных работяг увольняют. Уволили раб Иванова, раб Петрова, раб Селезнёва и других раб. Только так центральные и местные газеты пишут слово «рабочий», только так его сокращают. Раб, даже без точки. Так, например, пишут в «Правде», и в республиканской газете «Красное Знамя». Не отстаёт от них местная газета «Железноводский ленинец».

В один из дней на воротах депо раб увидели объявление: «Железнодорожное вагонное депо закрыто в связи с его ликвидацией». Приехавшие бригады раб Сосноборска сноровисто демонтируют станки, подъездные пути, автоматические подъемники... Ценное оборудование увозят к себе.

С появлением тепловозов цепь стахановских начинаний в одном из северных железнодорожных посёлков замкнулась на закрытии вагонного депо, в котором работало несколько тысяч человек.

Нокаут вагонному депо привел к быстрой деградации, упадку Северного района. Тепловозы и стахановская инициатива зарезали Северный.

Трудоголики Северного, как мексиканские эмигранты в Америку, любым способом стараются перебраться в Южный. В который раз от нищеты и безнадёги в Северном районе

расцвели пьянство, драки, поножовщина, игры в карты на интерес. Проиграл – иди, покажи свою удаль: подожги объект, убей мужчину, изнасилуй женщину. Как на дрожжах растёт местный криминал. Расплодились малолетние банды, возглавляемые отморозками, отсидевшими срок.

«Северяне» ненавидят «южан», живущих в более комфортных условиях.

Раньше парни с Южного ходили на танцы в деповский клуб. Теперь дальше Северокылтовского моста южан не пускают. Встречают на мосту и жестоко бьют. Южане объединяются в компании, чтоб противодействовать северянам.

Начались стычки: око за око.

Компании южан многочисленнее. Почувствовав силу, южане ходят на мост, как на работу, бить северян. Льётся кровь.

Родители Северного района запрещают детям после восьми вечера находиться на улице.

– Домой, немедленно домой, – кричат матери Петькам и Васькам, выйдя на крыльцо, собранное из гнилых досок.

Нормальные, добропорядочные люди стараются с темнотой сидеть дома, заперев двери на запоры. Милиция в тёмное время суток боится посещать сорвавшийся с катушек Северный район. Отсутствие твёрдой власти приводит к ещё большему беспределу. Убийство людей стало обыденностью.

Милка учится во вторую смену. Занятия заканчиваются в восемь вечера. В это время улицы уже должны освещаться электрическими фонарями. Один фонарь горит возле школы, а дальше... тьма кромешная. Или Египетская?

Милка по дороге домой с трудом отбивается от местной шпаны. Спасают знакомые ребята, которые знают Милку по учёбе. Пока отбивается, но надолго ли? Хрупкую красивую беззащитную девушку сломать легко, не труднее игрушки.

Как успешную ученицу после седьмого класса её переводят в среднюю школу Южного района. На правах родственницы поселяется у тёти Насти, которая не один раз приглашала её к себе:

– Вдвоём жить веселей, да и расходов меньше!

Окончив среднюю школу, Милка приняла решение не возвращаться в комнату по старому месту жительства, где жила с родителями.

Казалось бы, при таких внешних данных, при такой красоте, путь её, предсказанный отцом – в театральное училище. Она же выбрала работу в ремстройконторе.

Про начальника ремстройконторы Павлова Милка слышана. О нём много рассказывают в посёлке, поскольку большинство жилищных проблем замыкается именно на Павлове. Добиться такой популярности у жителей, большая часть которых прошла исправительно-трудовые колонии, нелегко. Их не обманешь показной добротой, пустыми обещаниями, заискиванием. Начальнику нужно иметь такой стержень внутри, чтобы его слова и действия вызвали уважение; и такие глаза, посмотрев в которые, понимаешь, что человеку можно доверять.

Павлову доверяют.

У Павлова трое несовершеннолетних детей: две девочки и мальчик – он женился после заключения. Живет в бараке. Исполком предлагает ему переехать в новую, большей площади, квартиру. Павлов отказывается, приводя весомый довод:

– У меня многодетные семьи не имеют квартир. Переехав в новую квартиру, как я после этого буду смотреть людям в глаза? Как я буду людьми командовать?

О Павлове слагают легенды. Причина есть. К нему на поклон ходит и первый секретарь райкома, и председатель райисполкома, и начальник районного УВД. Просят, умоляют,

клянчат. Павлов и сам понимает: нужно торопиться. Строить, строить и строить. Иначе в поселке начнутся эпидемии.

Бедка пришла, откуда не ждали.

В бывших исправительных колониях каждая дорога, каждая тропинка подметалась специальной бригадой уличных уборщиков. Территория колонии ежедневно очищалась от мусора. Мусор вывозили на свалку. «Золотовозы» трудились не покладая рук. В каждой зоне их работало несколько: целая бригада. Жили они в отдельном бараке, в стороне от других. С ними никто не дружил, дел общих не вёл, за руку не здоровался, поскольку, понятное дело, от них ужасно воняло сортиром. Близко к «чухарям» не приближались: шибает в нос. Мойся, обливайся хлорированной водой, бесполезно.

Неприятный запах у золотовозов впитался в кожу.

В бочках на лошадиной тяге отходы вывозили в лес, в специально выкопанные глубокие ямы за свинарником.

Когда везёшь бочку, в которой плещутся жидкие фекалии, от брызг не убережешься. Фекалии попадают возчикам на одежду, проникают через одежду.

Это при том, что бочка закрыта деревянной крышкой. Крышка не помогает, её плотно нельзя закрыть, из-за чисто русского, мол, и так доеду.

В зоне от подобной неблагоприятной работы нельзя было отказаться: дисциплина жёсткая.

После ликвидации зон, золотовозы уволились, разбежались кто куда, лишь бы больше не иметь дел с человеческой вонью.

Остался обслуживать посёлок всего один золотовоз, числящийся за ремстройконторой.

Ему недавно стукнуло семьдесят. Другой профессии у него нет. Идти некуда. За десять с лишним лет свыкся с запахом; жизни с другим ароматом не представляет.

Кроме минусов работа золотаря имеет положительные моменты. Вонючая работа защищает его от лихих людей и никчёмных друзей. Ближе, чем на пять метров, к нему никто не приближается. Общаются издали.

Каждому бараку полагается деревянная будка туалета, стоящая во дворе. Туалетом пользуются и млад, и стар. Когда пользователей много, и никто не заставляет делать уборку, каждый старается уйти от обязанности чистить отхожее место, надеясь на соседа: пусть вон они убирают – у них семья больше, они чаще бегают в туалет!

С таким подходом к общей собственности туалетные будки быстро наполнились: в них не только ходят по нужде, но и сливают нечистоты, бросают мусор. Пришло время, когда деревянные будки напрочь завалили отходами, к ним стало невозможно подобраться.

Обязанность чистить посёлок от нечистот возложена на контору Павлова. А у Павлова всего одна бочка и до изнеможения уставшая лошадь. Пфферд, как её называет возница, может в любом месте дороги встать и стоять понуро, свесив от тоски и безысходности голову. У доходяги весь круп в шрамах от ударов кнута и палки. Привыкла к побоям. Заставить её двигаться можно только одним способом: подложить под хвост бумагу и поджечь. Лошадь от боли мчится галопом, фекалии плещутся, народ в ужасе расступается. За рабочий день больше двух ходок не сделаешь. Ехать до места слива далеко, километров пять в один конец.

Используется «говновоз», в основном, для сановой администрации и больших партийных товарищей. На огромную территорию с населением более тридцати тысяч человек одной бочки, хоть летай с ней по воздуху, не хватает.

Посёлок заплывает фекалиями и нечистотами. К крыльцу жилого барака можно подойти одним способом: по брошенным в грязь доскам.

Торопится Павлов. Сдаёт один за другим двухэтажные дома с теплыми туалетами и канализацией. Сносит бараки, целыми улицами счастливицы справляют новоселье.

Сам продолжает жить в бараке.

Потому, может быть, Милка и пошла к нему.

– М-да, – только и смог произнести Павлов, увидев чудо природы. – Как зовут тебя, милая?

– Мила.

– Мила, – удивлённо повторил Павлов. – Надо же, как угадал! После непродолжительной паузы, добавил. – Как бы, не сломать тебя, Мила. Не погубить бы дивной красоты твоей. Ладно, своими хилыми силенками тебя подопру.

Одновременно со строительством жилья на улице Пионерской Павлов возводит дома на месте бараков по улице Дзержинской, Октябрьской... Основной заказ на квартиры идёт от завода.

Завод наращивает мощности. Ему постоянно требуется всё больше и больше жилья. В этом году введён в работу ещё один цех – по перемотке электродвигателей. Штат рабочих на заводе увеличился, причём не на десятки, а на сотни человек.

Кроме того, райком и райисполком, требовательные попрошайки, кланчат квартиры. Нуждаются в жилье рабочие и служащие ПЧ-10, офицеры охранных войск...

Среди населения поднимается паника, люди бьют тревогу: вода в колодцах неприятно пахла. Воду фильтруют, добавляют соль, кипятят. Кое-как справляются с проблемой, но надолго ли?

Чтобы не допустить инфекционных заболеваний, необходимо в срочном порядке избавляться от колодцев с застойной водой. Позарез требуется водопровод с новым источником.

В посёлке есть водокачка, расположенная между берегом Выми и Рабочей улицей. Она раньше использовалась, чтоб снабжать водой котлы паровозов через водозаборные колонки. С появлением на линии тепловозов, необходимость в водозаборных колонках отпала. Они остались стоять на станции как памятники прежней, паровозной эпохи.

Водокачка, до ликвидации южной колонии, располагалась внутри Южной ЦИТК, а забор воды из реки осуществлялся за пределами запани, с краю территории второй исправительной колонии. После ликвидации ЮЦИТК водокачка отошла посёлку, а водозабор остался в зоне.

Использовать имеющуюся водокачку невозможно по нескольким причинам. Первая: водокачка находится в ведении советской власти, а водозабор в управлении НКВД. Вторая: на снабжение посёлка водой не хватает мощности. Третья: в центр посёлка трубы придётся тянуть через железнодорожные пути, что технологически трудно и экономически накладно.

С огромным напряжением сил Павлов построил новый водозабор и насосную станцию за полями совхоза на берегу Северной Кытловки. Строительство водозабора потребовало прекратить молевой сплав леса.

Чего стоило Павлову добиться запрета, каких нервов, знает только он.

От насосной станции через земли совхоза проложили водопроводные трубы в центр поселка. Кто первым в очереди на водопровод? Естественно, командный состав райкома, райисполкома...

За полгода вдоль Дзержинской выстроились гордые колонки с клювиками и крючком на носу, для подвешивания вёдер: начальник конторы всерьёз взялся за решение вопроса снабжения посёлка питьевой водой.

Павлов отрубил в неволе немалый срок, потому отлично знает, какие проблемы испытывают ИТК со стиркой белья, с обмундированием, да и с теми же прачками – женщин, желающих идти к экам стирать бельё, находится не так уж много. Что ни говори, а женщинам страшно работать в зоне, особенно мужской.

Предложение построить рядом с водонапорной башней на Рабочей улице общую прачечную, было принято командованием внутренних войск с энтузиазмом.

Ввод прачечной в эксплуатацию не только облегчает труд прачек, но и даёт посёлку новые рабочие места, которые так нужны выпускникам средней школы.

Прачечной потребуется вода, и использование старой водокачки придётся как нельзя кстати.

Павлов всё согласовал, построил, оборудовал, набрал штат прачек. С понедельника ждёт поступления белья из колоний. Нужна расторопная заведующая. С языка сорвалось:

– Иди, Мила, ко мне заведующей прачечной. – Подмигнул ей. – А что? Чем плох руководитель: среднее образование, комсомолка, красавица? А, Мила? Опыт придет, опыт дело наживное. Научишься бумаги писать и подписывать.

– Согласна! – ответила Мила, не раздумывая. Чего-чего, а такого предложения она не ожидала. После школьной скамьи стать руководителем? Это что-то да значит! Это, подарок судьбы!

Поселилась в общежитии.

Барак, барак, опять барак. К бараку Милке не привыкать. Другого жилья девушка, за свою недолгую жизнь, не видела, что значит комфортное жильё – не знает и не представляет. Молодость довольствуется малым.

Поселили её в комнате, рассчитанной на две койки. Одну занимает Лена, сверстница Милки, которая работает кладовщицей на хозяйственном дворе ремонтно-строительной конторы. Девушка в кудряшках, с крутой попкой, грудастая; весёлая, неунывающая. Любительница мужского пола.

Познакомились. Лена предложила, раз такие у них стеснённые условия, встречаться с мужиками на чужой территории, и добавила:

– Ни один мужик нашего жилья не достоин.

– Я согласна!

Милу подобное отношение к совместному быту вполне устраивает. Не стала она посвящать Лену в свою жизнь, не доверилась, не сказала, что ещё девушка.

Первый рабочий день Милы начался с представления её коллективу. Представлял лично Павлов, бросив неотложные дела в конторе. Ради девушки – красавицы, почему и не постараться?

После знакомства Михаил Гаврилович взялся показывать Миле прачечный комплекс. Побывал с ней в цехе приёмки и в цехе стирки. Заглянули в сушильный и гладильный цеха, осмотрели цех выдачи белья. Закончили осмотр в кабинете заведующей.

У Милы от восторга светятся глаза, сияют с неподдельным восхищением:

– Это не прачечная! Это, это настоящий комбинат, это сказка...

Павлов доволен. Павлову нравится живое отношение Милы к его детищу, нравится её непосредственность:

– Я согласен с тобой, Мила, давай так и назовём: Железноводский прачечный комбинат.

– Нет, нет! Так сухо, так не пойдёт. Давайте назовём: Прачечный комбинат «Сказка в Железноводске».

– Однако лихо ты закрутила! Ну да, пусть хоть одна сказка будет в Железноводске! Пришла, видимо, пора создавать в посёлке сказочные места и строения. Люди в посёлке хорошие, много страдали и заслужили право на сказочное существование. Вот, погоди, спадет немного у меня напряженность, возьмусь за строительство детского сада, разобью парк за мостом Северной Кылтовки, засажу берёзками парковую аллею вдоль улицы Дзержинской... А пока удачи, тебе, заведующая сказкой!

На комсомольском собрании, по рекомендации инструктора райкома, комсомольцы конторы проголосовали за Милку, одним поднятием рук сделав её секретарем организации. У комсомольского вожака на учете стоят пять человек. По стечению обстоятельств, три ком-

сомолки работают в прачечной, одна на складе и один в деревообрабатывающем цехе. В цехе есть резерв, не охваченный политической работой.

– Вот тебе, Мила, первое комсомольское задание: Сделай в деревообрабатывающем цехе комсомольскую бригаду, – просит Павлов при очередной встрече. Идея не моя – прораба. Я лишь озвучил её.

– Постараюсь!

Грязное бельё в стирку возят солдаты. Наглые попытки солдат наладить общение с Милкой не находят поддержки. По «длинным, жадным рукам» солдаты получают тряпкой.

Солдаты не хуже женщин умеют и любят трепаться. Когда говорить на службе особенно не о чем, появление Милки – новость номер один. Слухи о красоте Милы достигли ушей офицеров. Офицеры подсустились, заменив солдат, вызвались добровольцами – мучает любопытство.

В кабине за рулем офицер, офицеры в кузове на тюках с грязным бельем.

Милка заняла оборону. Сказывается природная гордость, привитая отцом. Упрямо держится даже тогда, когда из первой исправительной колонии в кабине машины приехал капитан, а на узлах с бельем старшие лейтенанты. Им бы отступить! Только как быть с офицерской честью? Простая прачка, смазливая соплячка, отказывает офицерам Советской Армии. Кому скажи, засмеют!

Офицеров много, Мила одна. Долго она будет держать «Брестский бастион» неприступным?

Угощают её конфетами – не помогает! До чего дело дошло, стыдно сказать. Стали офицеры привозить цветы. А какие на Севере цветы? Простые ромашки да колокольчики на лугах и в палисаднике учительницы географички «дамские туфельки».

Пришел с сослуживцами капитан внутренних войск с букетом цветов. Сделал Милке предложение. Предложил выйти за него замуж. Сказал слова любви в присутствии трех офицеров, специально для такого случая им приглашенных. Офицеры, забыв про офицерскую честь, подтвердили честность намерений капитана, не глядя Милке в глаза.

Согласилась девушка стать женой офицера. Приятно, наверно, быть капитаншей. Как у Пушкина в «Капитанской дочке». Такие романтические люди выведены в произведении: Пугачёв, капитан – инвалид, капитанша, капитанская дочь... Совсем недавно читала. Может, и у неё будет такая захватывающая судьба?

В конце смены забрали старлеи Милку, предложив более близкое знакомство с женихом, привезли в старенький дом, расположенный неподалеку от проволочной ограды первой ИТК.

Капитан в мундире с начищенными пуговицами и значками, сидит за накрытым столом. Выпили, закусили. Офицеры спели несколько песен под гитару.

Вечер удался, прошёл на удивление замечательно, почти в домашней обстановке. Мила никогда не получала столько внимания и комплиментов в свой адрес. Милка праздничным ужином довольна, согласилась остаться у капитана на ночь. Утром проснулась, а жениха рядом нет.

Зашел в дом старший лейтенант Дима.

– А где Миша? – спрашивает «невеста».

– Миша смену отдежурил, к жене пошел.

С тех пор Милка ненавидит офицеров, особенно с цветами, и вообще, всех мужиков при цветах.

Офицеры, в их числе и Дима, разносят по поселку сплетню: «Мила доступна, Милка безотказна». Поползли сплетни по ремстройконторе. Стала Милка знаменитой. Не столько комсомольскими делами: вовлекла в комсомол двух парней из деревообрабатывающего цеха, организовала ночное дежурство комсомольцев, один раз зимой пригласила Юру Каменева,

Костю Теплова, Славу Усанова и Гену Долгополова покататься на лыжах с крутого берега Северной Кылтовки – сколько «любовными похождениями» с офицерами. Попытался Юра на комсомольском мероприятии, уронив Милку в снег, потискать её выступающие передние части, получив отпор, отстал.

Раз в неделю к концу рабочего дня к дверям прачечного комбината приходит Дима. Уговаривает Милу пойти к нему в общежитие:

– Чем я хуже капитана?

– Пошёл вон! – огрызается Мила. – Захотел тряпки попробовать?

– Ты ещё пожалеешь о сказанном! Ты ещё попомнишь меня! – угрожает Дима.

Поселок богатеет, расширяется, благоустраивается. Вдоль улицы Дзержинской, по обеим её сторонам, по инициативе Павлова школьники, рабочие механического завода и комсомолыцы конторы в субботник вышли на закладку берёзовых аллей. Мила возглавила комсомольский отряд конторы. Конторская молодёжь на бортовой машине съездила в район коровника. На берегу реки накопили молодых берёзок в возрасте шести – восьми лет. Каждый комсомолец посадил по четыре берёзки.

Берёзки прижились, подросли, принарядились листвой, превратились в красивые ветвистые молодые деревца. Берёзовые аллеи облюбовали белки. Стремительно перемахивают с ветки на ветку. Спускаясь на нижние ветки, не боятся брать из рук еду. Желаящих покормить белок в посёлке предостаточно. Кормят с рук не только дети, но и взрослые.

Через время уже забылось, какие берёзки Кости Теплова, в какие Славы Усанова, Юры Каменева, Гриши Берга и Милы Костроминой! Не догадались повесить таблички на «своих» деревцах. Не хватило ума по молодости. «Свои» берёзки на новом месте быстро пошли в рост и перестали отличаться от других.

Старое деревянное здание райкома партии, выглядящее очень ветхим, теперь не вписывается в изменившийся облик центра, где проведён водопровод, возведены красивые двухэтажные здания и разбиты прекрасные аллеи русских берёзок. Да и штат райкома партии увеличился, пришли новые члены партии. Партийным руководителям не хватает индивидуальных площадей, зал заседаний. Тесно им, размаха нет.

Районная организация коммунистов требует от исполкома построить новое современное здание со статуей Ленина на площади, как принято в советских городах.

Где взять каменщиков для строительства трёхэтажного кирпичного здания райкома? Ремстройконтора не потянет, она специализируется, в основном, на деревянном строительстве и завалена заказами. На заседании бюро райкома принято решение вести строительство силами специалистов первой исправительной колонии.

Отряд зёков в чёрных робах под усиленной охраной строит здание райкома за ограждением из колючей проволоки. В отчётных документах мероприятие проходит как комсомольская стройка. Каждое утро угрюмая колонна под охраной солдат и овчарок идет на работу по Рабочей улице мимо прачечного комбината.

На улицу вышла Милка, решила немного подышать свежим воздухом. В это время проходила колонна заключенных. Заключенные, как подсолнух к солнцу, поворачивают голову в сторону Милки, не могут глаз оторвать от красивой девушки.

Жалко Милке зёков; глядя на отряд, вспоминает отца и свою жизнь с матерью в неволе. Наверно, её отец также ходил в чёрной одноликой колонне?

В один, ничем не примечательный, день из колонны уставших зёков, возвращающихся после рабочей смены, бросили комочек бумажки. Подкатился комочек к ногам Милки. Не побрезговала, подняла, развернула. В записке химическим карандашом накарябано приглашение:

«Без пятнадцати восемь приходи в сарай строящегося объекта. Сарай не спутаешь. На стене висит щит с пожарными принадлежностями».

Внизу приписка:

«Встречу по-королевски, не пожалеешь».

– Ладно, отомщу же я тебе капитан, – решила девушка и, приодевшись, пошла ранним утром на свидание с заключенным. Рабочая смена ещё не началась. Ворота распахнуты. Нужный сарай стоит на виду, с другими действительно не спутаешь.

В восемь открылась дверь, вошли трое.

«Во, вляпалась», – подумала Мила.

Увидев побледневшее лицо девушки, мужик лет сорока, успокоил её:

– Не бойся, Милка. Ребята занесут стол и помогут закуску сварганить, выйдут, мешать не станут. За дверью постоит, охраняя от ненужных визитёров.

Ребята действительно ушли.

– А вы откуда моё имя знаете?

– Солдаты растрепались, – ухмыльнулся зэк. – Давай знакомиться. Я кандидат филологических наук.

Сижу за что, по совести, не знаю. И тебе не нужно знать. Я не убийца, так что меня бояться не надо. Я человек мирный, но авторитет в зоне кое-какой имею.

– Ну, а я Милка, вы уже знаете.

– Просто Милка?

– Ну да! Ещё заведующая прачечной.

– Знаю. Доложили. И как капитан из оперчасти тебя добивался... Он своё получит... – Ладно, хорош, познакомились. Большого нам знать друг о друге не стоит. Больше знаешь, хуже спишь: сны неприятные снятся!

Парни занесли стол, накрыли темной скатертью, смахивающей на женскую шаль. На стол поставили две бутылки коньяка, два стакана. На чистые фанерки положили соленую семгу, икру красную и черную, хлеб и столовые принадлежности. Добровольные официанты, глядя на хозяина, взглядом спрашивают:

– Всё?

– Принесите свечу.

Зажгли свечку, потушили электрический свет. Выпили по рюмке коньяка, искрящегося в огне свечи, закусили семгой и бутербродом с красной икрой, затем повторили под черную икру. Потянуло девушку в сон. Милка ночью плохо спала, в голову лезли страхи – много чего о зэках нехорошего слышала. Постелил филолог свою одежду на топчан, раздел девушку и аккуратно уложил её, подбив под голову телогрейку. Любуясь девичьей красотой, вспомнил институт, как они тайком читали стихи советской поэтессы: «Она лежала на спине, тугие обнаживши груди. И тихо, как вода в сосуде, стояла жизнь её во сне».

«Может, мои дочери вот также где-нибудь спят. Пусть им будет счастье. Пусть и этой девушке будет счастье. Она ведь, по сути, ребенок».

Филолог ребенка не обидит.

Гладит, ласкает атласную кожу, целует незагорелое тело. Лег рядом, обнял. Дождался когда проснется. До половины пятого нежно любил девушку, не говоря ни слова, не давая никаких обещаний. Когда оделась, филолог стукнул в дверь. Вошли ребята. Уложили остатки еды и коньяка в коробку. Филолог передал коробку Милке:

– Это тебе! Домой отнесёшь. Угостишь подруг. После нас сразу не выходи, подожди минут пятнадцать.

У Лены глаза расширились, увидев дорогие гостинцы:

– Мои хахали куска хлеба не дадут. А у тебя икра, рыба красная, коньяк. Сядем за стол?

– Садись, я наелась, – ответила девушка с радостной улыбкой на губах.

Лена, увидев улыбку, произнесла со вздохом:

– Счастливая ты, Милка! Пообещал чего-нибудь?

– Пообещал? Ничего не помню!

В среду утром позвонил Павлов:

– Зайди в два часа ко мне.

– А что слу...

– Придешь, узнаешь!

«Кто-то заложил? Может работницы?» – подумала заведующая прачечной. Что-то теперь будет? Наверняка, выгонит. Куда идти?

– А, Мила! Здравствуй, здравствуй, голубушка.

Бледновата. Устаешь? Понятное дело – устаешь! А у меня для тебя приятная новость. Я построил на Октябрьской улице сберкассу...

– Знаю.

– Не перебивай старших. Строили сберкассу в расчете на два этажа. Потом переиграли. От второго этажа заказчики отказались. Исполком отдал комнату второго этажа нам. Держи ключи, вселяйся. С новосельем тебя! – Открылась входная дверь. – Всё, всё, уже освобождаюсь. Иди, Мила, не до тебя, работы много! Удачи! Иди!

Ошеломлённая Мила на непослушных ногах вышла за дверь, прошла мимо компании начальников, ожидавших приема, остановилась и вслух произнесла:

– Ох, и дура же я, даже спасибо не сказала.

Главный инженер первым среагировал:

– Красивым девушкам не обязательно быть умными. Им ум заменяет красота... Да не расстраивайся, Мила, шучу я. Спасибо всегда можно сказать. Хочешь, я передам «спасибо» за тебя?

– Пожалуйста, передайте!

Зайдя в кабинет Михаила Гавриловича, главный инженер поинтересовался:

– Чего Мила за дверью себя душой обозвала, сокрушается, что спасибо не сказала?

– Комнату ей отдельную выделил.

– Она просила передать тебе «спасибо», что я с удовольствием и произношу: «Спасибо, начальник, тебе».

– Принимаю!

– Славная девочка. Ты правильно сделал, она того заслужила. Все-таки, благодаря ей, у нас свой член райкома комсомола, представляет контору в верхах районной власти. Благодаря Миле, удастся многие вопросы решать без проволочек.

Новоселье Мила справляет в компании с подружкой Леной и комсомольцами бригады деревообрабатывающего цеха: Юрой, Геной, Гришей, Костей, Славой. Пьют, поют, танцуют. Травят анекдоты, сидя на полу. Сидят на полу за неимением мебели.

На следующий день комсомольцы-добровольцы взялись обустроить комнату. Притащили из дома: кто тумбочку, кто стул, кто ведро. Гена притащил герань. Торжественно поставил на подоконник.

– Гена, тебе же дома попадёт от матери. Может, отнесёшь цветок назад? – предложила Мила.

– Вот ещё, буду таскаться. «Мека» переживёт.

Свою мать Гена зовёт таким вот оригинальным словом, придуманными им в детстве, когда у него был полный набор родителей: Мека, Пека, Бека, Дека.

Из общежития помогли перетащить кровать, постельное бельё, умывальник... Павлов распорядился выдать со склада Миле пошивочный материал на всякие там «бабские» причиндалы: занавески, полотенца...

На новом месте началась новая жизнь секретаря комсомольской организации. Собственное жильё сделало Милу знаменитой.

После переезда в квартиру, на Милу стали поглядывать не только взрослые мужчины, но и старшеклассники, у которых в неподходящий момент начинаются проблемы с брюками. Они неожиданно становятся тесными, когда их обладатель заинтересованно глядит на обтянутые платьем или юбкой женские прелести, мысленно дорисовывая необходимый сладкий образ.

У Милки всё на виду, округлые части нахально выпирают, ничего додумывать не надо. Когда она идет, народ расступается и восхищенно смотрит вслед. Спроси двенадцатилетнего пацана, где живет Милка, и он безошибочно укажет не только дорогу и дом, но и пояснит, когда она бывает дома.

Милка живёт в доме, больше похожем на скворечник, на втором этаже, прямо над сберегательной кассой. «Прикрывает» собственным телом государственные деньги.

Первый этаж имеет два входа: с фасада – центральный и со двора – чёрный. Центральный вход деревянной массивной дверью смотрит на забор стадиона «Красная звезда».

С улицы, от пешеходного тротуара, к входной двери ведут деревянные мостки. Открыв дверь, попадаешь в операционный зал сберкасс. Днём в зале светло от двух больших окон, расположенных симметрично двери.

На чёрном входе дверь хлипкая, сбита из тонких досок; болтается от лёгкого ветра на скрипучих петлях. Дверь не имеет защёлки и никому не приходит в голову её не только закрывать, но и притворять.

За дверью под низким навесом горит тусклая пыльная лампочка. Лампочка освещает длинную деревянную лестницу, конструкцией напоминающую пожарную, уходящую на площадку второго этажа.

На площадке стоят санки и лыжи, на стене висит тазик для стирки белья, в углу прилонился уставший веник...

С площадки открыв фанерную филенчатую дверь, попадаешь в комнату. Милка считает комнату большой, жильём гордится. Четыре на пять метров на одного человека: маленькое житейское счастье.

Девушка условно разделила комнату на три части: спальню, залу и кухню. Спальня и зала отгорожены от кухни занавеской.

За занавеской налево от входа стоит полуторная койка с металлическими шишечками, наподобие церковных куполов, заправленная, сшитым из цветных лоскутов, самодельным одеялом. Из-под одеяла выглядывает кусок белой простыни с подзорником, украшенный цветами. На постели пирамидкой, острым углом вверх, красуется пуховая подушка с наволочкой из настоящего льна. Под кроватью лежит деревянный чемодан с ценными вещами. Над кроватью, во всю её длину, мелкими гвоздиками прибита к стене Милкина гордость – шёлковый гобелен с росписью с изображением китайского рая: среди деревьев с экзотическими плодами стоит в разноцветной летней одежде китайская ярко накрашенная красавица и держит в руке заморский плод, сорванный с дерева. На ветке сидит цветастый попугай с черными бусинками глаз, кривым белым клювом и длинным хвостом, касающимся волос красавицы.

К изголовью кровати приткнулась фанерная тумбочка с облезлым лаком. В солнечные дни из окна на китайскую роспись и кровать падают лучи заходящего солнца, делая постель удивительно красивой. Поэтому сей «дивный» уголок Милка называет «райской» спальней.

Кровать расположена напротив окна. К окну придвинут обеденный стол из строганных, выкрашенных морилкой, досок. К столу придвинуты две тяжелые деревянные табуретки коричневого цвета. Одна табуретка принадлежит хозяйке, другая предназначена для гостя. Часто нежданного.

Часть спальни со столом и табуретками отведена под приемную, или залу.

Спальня и приёмная отгорожены от остального помещения белой в чёрный горошек ситцевой занавеской. Занавеска создаёт уют.

В кухне возле второго окна стоит самодельный стол размером поменьше. Он накрыт белой клеёнкой в чёрную шашечку. Под стол задвинуто сиденье стула, которым хозяйка законно гордится. У Лены подобного стула нет.

Рядом с дверью, почти упираясь в коробку дверного проёма, располагается стойка с рукомойником и маленьким зеркалом. В комплект входит самодельная тумбочка со сливной горловиной и цинковым отхожим ведром, прикрытым крышкой.

Возле торцевой стены стоит жестяная, крашенная в чёрный цвет голландка. Это продолжение печки, обогревающей сберкассу. Хозяйка на голландке готовит еду. Кроме того, печь согревает комнату. Милка молода, и ей не составляет труда занести на второй этаж дрова и воду. Но эту работу она из принципа старается не делать. Тяжелую домашнюю работу девушка старается поручать мужчинам, претендующими на её любовь.

Любовь не бывает лёгкой и дешёвой.

Недалеко от двери, на кухне, прибита гвоздями вешалка на шесть деревянных штырей. Вешалка предназначена для хозяйской одежды. Гости довольствуются стулом.

Из Милкиных окон полностью просматривается футбольное поле стадиона, на котором тренируются и играют футболисты команды «Красная звезда». Футболисты считаются любителями. «Работают»: слесарями, наладчиками, намотчиками на ЖМЗ. Команда сыгранная, любимица директора завода Ганноверова, души не чающего в своей команде. Директор на средства завода одевает и обувает футболистов. Весь инвентарь, включая футбольные мячи, куплен на заводские деньги. Ребята, чувствуя материальную заботу директора, стараются. Не однажды обыгрывали воркутинцев, ухтинцев, интинцев, сыктывкарцев.

Жители гордятся командой. Гордится и Милка. И не просто гордится, а ещё и постоянно «болеет» за неё. Благодаря Павлову девушка получила жильё, дающее ей материальную выгоду – не надо покупать билет на стадион. Даже из дома выходить не надо. Смотри из окна на футбольное поле, облокотившись на стол, и получай удовольствие.

В отличие от других жителей посёлка, Милка знает футболистов не только по именам, но и по тому, как они к ней относятся. А они в ней, как говорится, души не чают. Краснозвездные футболисты поочередно посещают её райский уголок. Спортсмены люди щедрые, расплачиваются с девушкой талонами на усиленное питание. Футболисты, единственные мужчины, которым Милка делает исключение.

Не только спортсменов, но и других приличных мужчин принимает Милка. Приличные мужчины знают требования и вкус девушки. Красавица дарит свою любовь только тем, кто имеет возможность купить в лагерном магазине любимый Милкин продуктовый набор: буханку хлеба, бутылку коньяка, полкило красной и полкило черной икры и кусок свежесоленной сёмги.

Этот магазин в посёлке считают элитным. На витрине под стеклом лежат горки красной и черной икры, рыба разных сортов свежая и солёная, сёмга рубленая и целая. В мясном отделе выставлены на прилавке куски конины, говядины, баранины, оленины, медвежатины, тушки зайцев. Птица – куры, куропатки, тетерева, рябчики. Полки ломятся от бутылок со спиртом, водкой, коньяком, шампанским, денатуратом.

До того, как Южную центральную исправительную зону расформировали, магазин обслуживал эков и начальствующий состав.

Те, кто имел деньги, могли отовариваться качественными продуктами. Теперь вот простые жители посёлка посещают магазин, и каждый может себя побаловать вкуснятиной. Икру, красную рыбу, коньяк и шампанское обыватели игнорируют – зачем зря деньги переводить? Только представьте себе, икра красная стоит три рубля, черная – четыре двадцать, в два раза дороже бутылки водки или спирта.

Причина такого продуктового изобилия в том, что Железноводские ИТК снабжаются Ленинградским хозяйственным территориальным управлением НКВД, притом, что в самом Ленинграде голодно.

Самый ходовой товар у людей с небольшим достатком, понимающих толк в выпивке, спирт и водка. На закуску традиционно покупают хлеб, сало, селёдку. Последнюю частенько заменяют бочковой килькой в пряном соусе с лавровым листом и чёрным перцем горошком. Ах, до чего хороша бочковая килечка! Хороша просто до умопомрачения. Её едят без хлеба. Гурманы-выпивохи, которыми считаются все отсидевшие срок – из-за того, что им довелось перепробовать денатурат, водку, спирт и тройной одеколон – потребляют килечку целиком, не иначе как с головой и хвостом.

Мила выбрала единственно верную тактику подбора мужиков, она применяет продовольственную селекцию. Мужик с худым кошельком или прохиндей, покупающий селёдку, не станут тратиться на икру, пожалеют денег. Они и не идут к Миле. И не ломятся в дверь.

Ломиться в дверь к Милке чревато ещё и тем, что по вечерам в сберкассе дежурит милиционер. Достаточно девушке постучать ногой в пол и приедет милицейский наряд. Районное отделение милиции расположено недалеко от сберкасс.

В пятидесяти шагах от дома милиции, находится магазин «Культтовары», где стоит милицейский пост.

«Культтовары» охраняют, потому что в магазине есть огнестрельное оружие. В «Культтоварах» продают ружья: одно- и двустволки, шестнадцатого и двадцать четвёртого калибра. В магазине свободно можно приобрести порох, дробь, картечь, гильзы, пыжи... Большая пачка пороха стоит рубль двадцать, равна цене бутылки хорошего вина. Продавцов не интересуется возраст покупателей, паспорт ни у кого не спрашивают.

Костя Теплов регулярно посещает «Культтовары». Покупает элементы выстрела к охотничьим ружьям. У Кости ружье шестнадцатого калибра, у Ивана Михайловича – двустволка.

На улице Пионерской, если свернуть за угол от сберкассы и пройти по улице Пионерской метров сто, красуется большими окнами новое здание Дома пионеров. В освещённом с улицы Доме пионеров до позднего вечера работают спортивные и танцевальные секции.

Здесь в акробатической секции занимается девушка Ира Манакова.

Рядом с Домом пионеров всегда оживлённо.

Костромина живет в защищённом районе. Сомнительные личности стараются защищённый район обходить стороной. В квартире Мила чувствует себя вполне комфортно, не боится открывать дверь позднему гостю. Берёт у него сетку с продуктами и внимательно рассматривает ассортимент. Увидев, что всё соответствует запросам, предлагает гостю пройти за занавеску, положить одежду на стул.

Бывает, что Мила нуждается в воде и дровах. Тогда гость безропотно спускается вниз, во двор сберкассы, где стоит колонка и набирает чистойшей речной Северокылтовской воды, а из поленицы, сложенной возле стенки здания, дров: железнноводская королева не должна заниматься тяжёлой работой, для того существуют мужики, для того даны мужикам бицепсы.

Воскресный день. В посёлке уличное оживление, народ затоваривается продуктами на вечер. Сегодня народ живёт в преддверии праздника: в шесть вечера состоится товарищеская встреча московского Спартака с «Красной Звездой». На день товарищеской встречи по футболу, директору завода пришлось вывернуться волосами внутрь, чтобы выплатить Спартаку и своей команде круглую сумму налом и приобрести всем дорогие подарки. Денег не жалко, когда знаешь, что любимые спортсмены в благодарность за заботу, сделают всё, чтобы порвать противника.

Мила с обеда ударно потрудилась. Приняла двух клиентов с продуктовыми наборами, пахнущих дорогим одеколоном «Шипр». Успела освободиться до начала игры. Нарядилась, надела лучшее из своих платьев, сделала причёску, нанесла на лицо яркую боевую окраску. Не забыла про ногти.

Костромина сегодняшней вечер посвящает своей любимой команде. Ей ни в коем случае нельзя пропустить товарищескую игру – мальчики не поймут. Они обязательно, зайдя в гости, спросят её мнение о матче. Если решат, что обманывает, что не «болела» за них, могут обидеться, не станут щедро расплачиваться талонами.

В честь праздника навела в квартире порядок, выставила на стол коньяк, специально оставленную для себя дорогую закуску. Настроилась смотреть матч века.

Мила желает успеха своей команде.

Свисток судьи, игра началась. Она выпила первую стопку коньяка:

– За ваш успех, ребята!.. Кого там несет? – спросила себя вслух. Пошла на стук. Отбросила крючок и открыла дверь. В проёме нарисовался смущённый Гена. – Ну и чего ты пришёл? Чего ты хочешь? – холодно спросила девушка. – Я сейчас занята, смотрю футбол.

– Я тебе цветы принес, хотел подарить!

– Засунь цветы себе... Сам знаешь куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.